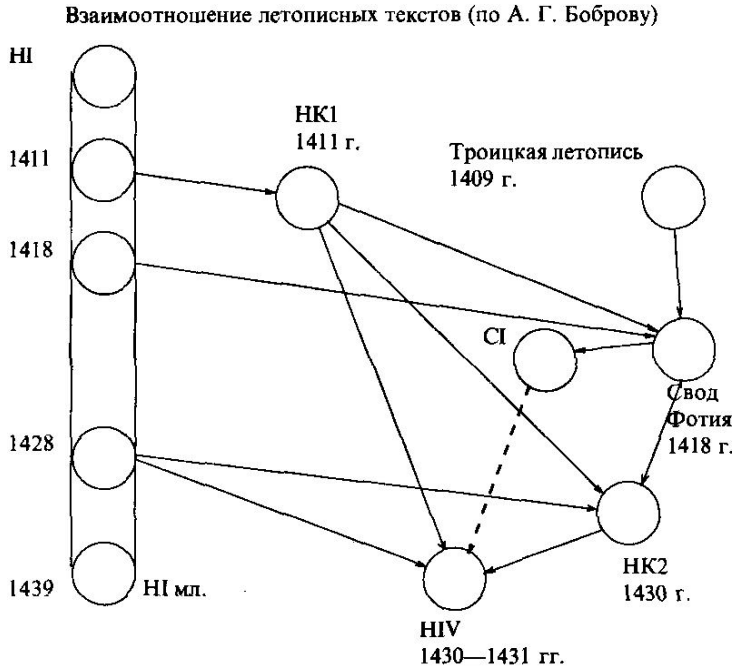
НАЧАЛО УКРОФАШИЗМА. ***Новгородская Карамзинская летопись: первоисточник общерусского летописания***

За мной, читатель, кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! (Михаил Булгаков)

А.-Л.Шлецер и А.А.Шахматов, Я.С.Лурье и Д.С.Лихачев искали эту хронику, первооснову ныне известного летописания, в киевской летописи 1110-х годов (по спискам XIV – XVIII веков…), скрупулезно вычленяя фрагменты из нее, а также из Киевского Патерика 1220-х гг. (списки от XV в.), где речь велась о крымских путешествиях 1070-х – 1080-х гг. печорских иноков, сравнивая их с местными новеллами ПВЛ. Текстологические раскопки оказались напрасными, как и сам посыл – поиск древнейшей летописи в источниках клерикальных, в строках, оставленных греко-христианскими монахами (чья сионорожденная образованность - сравнительно с их мирской паствой – традиционно, в России изрядно преувеличивается…). Клерикальный летописный свод, якобы, рожденный древнерусским духовенством, - прокламируемый искателями - стал примером «ученой фикции». Общерусская публичная историография (отличная именно своей публичностью от корпоративного летописания IX – X вв.) – открылась хроникой, светской по происхождению, и лишь воспринятой киевским монашеством, порожденной же - княжеской средой. Причем, порождена она была теми представителями ее, что хорошо известны, но были в стороне от общегосударственной – столичной канцелярии, оказавшись, зато, прадядьями знаменитейшей героини фольклорного памятника - прославленной «Словом о полку Игореве», чей создатель (что обнаружил ак.Лихачев) соприкасался с необычными летописными источниками новгородского происхождения, осведомленными о киевских делах. Сохранился протограф всего русского летописания, ведшегося в Сред.века, в единственной копии, некогда, после покорения страны московскими завоевателями, снятой с заключавшего в себе седую древность источника в Новгороде Великом.



(ПСРЛ, т. 42, От составителей)

Сие нечто напомнит; однако, погребение сие, о котором пойдет речь в очерке, создано было еще в 1040-х годах, задолго до возникновения «литературных источников»…

Очерк, повествующий о Новгородской Карамзинской летописи, по праву, должен нести посвящение памяти родоначальников "укропофашизма" - не глядя на их век, доныне, ненавистных т.наз. "россиянам". Однако, погребена была эта пара в Богородице-Рождественском приделе (ныне по сторонам параллели Мартирьевского придела) кафедрального собора Новгорода Великого: собора, воздвигнутого ими в честь победы над юдо-христианами, - скончавшимися на одну дату и прославляемые в России - под одним числом.

По сему, ныне, ради виртуальной приватизации украинских мощей Ингигерды, вел.кн.Киевской и всея Руси, россиянцы "почитают" св.Анну "под видом" её киевской свекрови, истирая персону из Истории, объявив юную новгородскую покойницу – старушкой Ириной, монашенкой (якобы, Анной в постриге). Начата ж была эта фальсификация Русской истории - еще задолго до явления на свете настоящего подполковника, со лубянскими т-щи в рясах, еще в те далекие годы, когда русичи были рабами иудеев новых (сиречь «ромеев»), а русские князья прислуживали официантами (стольниками) греко-христианскому царю Вселенной.

Рукопись, сохранившая рассказы (1035-1047 гг.), сведенные некогда попечением княгини, хотя находится в списке XV века – рукописи большой древности, удостоилась издания лишь в упрощенной грамматике, и лишь в 2002 году, тиражом 800 экз. и в частном издательстве – без распространения по библиотекам (не говоря об отсутствии во всемогущей «сети»).

***

Празднуя победу, – взяв реванш за убийство прадеда, разгром прапрадеда, гибель в походе вековой давности плененных и публично убитых в Царьграде троюродных дядьёв, - сыном Ярослава Старого, Владимиром Большим <так именуется княжич попом Упырем Лихим(sic), переписавшим 14.05 - 19.12 1047 г. на кириллицу по княжому заказу книгу Толковых Пророков> закладывается в 1046 году второй Софийский собор Руси.

Победа эта была внушительной: в качестве выкупа, воцарившийся узурпатор Константин Мономах принужден был отдать за неженатого млад.брата победителя, княжича Всеволода Ярославича, императорскую дочку, чего не бывало от времен Симеона Великого (Болгарского) и Владимира Малого («Равноапостольного»)… Полвека, прошедшие до этого триумфа, греко-христиане занимались иным - последовательно, старательно и упорно истребляя славянское потомство родственниц ромейских (греко-армянских) кесарей Вселенной: кастрировав низложенного царя св.Романа Петровича Болгарского, руками наймита заклав императорских племянников - свв.Бориса и Глеба Владимировичей… Но благолюбый князь Владимир Большой сам не нуждался в подобном подарке! Воздвигаемый собор - назначался им для иной плотской дани. Он был должен, вослед внесенным Владимиром Малым в 990 г. в Десятинную церковь Киева, воспринять новые крымские трофеи, провозглашая равенство во всем стольному Киеву – Великого Новгорода.

Почему начальник княжеской династии Галичины интересовался толкованиями пророческих книг - православному богословию служивших для доказывания истинности "*жизни будущего века*", - какие надежды будоражили его в тот год, увидим далее. А первые наши Софийские соборы - суть уникальные сооружения, лишенные аналогий в синхронном византийском строительстве, при ничтожестве светских властителей Царьграда XI века, неспособных оплатить что-либо подобное. Софийский собор третьей русской столицы, Полоцка, ставившийся лишь в 1050 г. и уже с греческим участием, воспринял византийские новшества 1000-х гг., но оказался и меньше размерами, и выполнен небрежней, нежели соборы на Днепре и Волхове [см. П.А.Раппопорт "Зодчество Древней Руси", 1986, с. 26-30].

Роспись Киевской Софии выполнявшаяся незадолго до сер. 1045 г. - когда все 4 сестры Владимира Ярославича еще незамужние, запечатленные на ктиторской фреске, причем Елизавета и Анна уже зрелые девушки, - выдает знакомство фрескописца (апостолов и святых писавшего канонически-спиритуально, как бы парящими в воздухе, отталкиваясь стопами от земли) с античной техникой: развернув старшую княжну из византийской фронтальности в четвертьоборота, а Анну, наиболее миловидную, до классического пол-оборота. Фигура же Богоматери в конхе центр.апсиды - далеко отступая от византийских правил изображения Марьям-Оранты, фактически, стала последним в истории образом Паллады - Афины Промахос ("передового бойца"), по-христиански отведя руки в позу молитвенного вздымания, но сохранив посыл, пропорции и очертания фигуры Предводительницы полисного войска - не возносившей смиренно к Небу Давидов псалом, но заносящей незримое копье, должное поразить врага вполне осязаемым ударом! Художник знал, что писал, владея античным «аппаратом», неведомым путем оказавшись в Киеве, но будучи настоящим средневековым греком: запечатлев незамужних девиц, по ионийской моде, в платках (на Руси в платки обертывали лишь замужних женщин, девочки ходили с открытыми волосами, либо, достигнув совершеннолетия, в налобной ленте).

Отмечает Вячеслав Петрович Тимофеев: "Исследование А.Н.Веселовского "*Былина о Волхе Всеславиче" увидело свет только в 1993 г., т.е. почти через 90 лет после смерти исследователя <"Русский Фольклор", т. 27-й>. Александр Николаевич провел интересную параллель между нашими былинами о "Всеславьиче" и многочисленными вариантами немецко-шведской саги о Тидреке Бернском. Если наш Всеславич в былине о Вольге и Микуле назван племянником князя Владимира, то один из героев саги, король Ортнит (Гертнит), - тоже племянник "русских королей" Владимира и Ильи. Его имя (от hrodnidr) в переводе на русский означает Славич. В немецком варианте саги Ортнит обманом и насильно похищает себе жену, в скандинавских версиях дело обстоит несколько иначе. Рыцарское окружение держит совет и предлагает Ортниту жениться. Тот соглашается, но просит указать ему на невесту, которая была бы ему ровней по роду-племени. Таковую находят - Илья рассказывает об Оде, красивейшей из женщин, 15-летней дочери короля-язычника. Ортнит высказывает намерение добыть ее, во что бы то ни стало, и направляет сватов, но король-отец не желает расставаться с дочерью. Он, и прежде отказывавший всем ярлам и королям, бросает упрямых рыцарей Ортнита в темницу <сюжет былины "Дунай и Добрыня">. Ортнит приходит с дружиной под стены города, ведет боевые действия. Красавица влюбилась в*

него, она, обманув мать (боги ей, якобы, велят выйти за ворота и призвать их на помощь), бежит к Ортниту. Вдвоем на одном коне они пытаются скрыться, но организованная отцом погоня настигает их. Волшебник-гном Альберих, помогавший влюбленным, предупреждает их, что впереди болото и ручей, которые нельзя преодолеть на коне. Девушка умоляет Ортнита оставить ее и спасаться самому. Но юноша, бросив коня, переносит ее через широкий ручей и принимает бой с нагнавшими его язычниками, которые идут вброд. Рубиться остервенело, и силы уже покидают его, когда приходит помощь во главе с дядей-Ильей. В столичном Гардене короля Ортнита встречают радостно и торжественно. Гарден (существительное с определенным ортиклем) есть Город (как бы с большой буквы) - как в просторечии могли звать свою столицу киевляне, ибо еще в XII веке она же по-тюркски Map Kerman, т.е. "Большой Город". ...Совпадения подчас удивительны. А.Н.Веселовский, ссылаясь на других исследователей, полагал, что сага была написана в Швеции около 1226 года. Вероятно, сочинитель услышал один из вариантов той самой легенды о Всеславе Полоцком, которую использовал наш Автор и отголоски которой дошли до нас в былинах и сказках" [В.П.Тимофеев "Другое Слово о полку Игореве", 2007, с. 382-383 (см. там же, с. 375-380)]. Само "Слово о полку Игореве" так упоминает об этом: "*На седьмомъ веце Трояни <1040-е гг.> връже Всеславъ жребий о девицю, себе любу, - ты<й> клюками под пръся о кони (закинул ту грудью на конскую спину), и скочи къ граду Кыеву*".

Конкретизируем наблюдения А.Н.Веселовского, поправкой, неизвестной в позапрошлом веке. Всеслав Брячиславич Полоцкий (о браке коего по летописям известны лишь имена сыновей), один из героев прошлого в "Слове о полку Игореве", был двоюродным племянником сыновей Ярослава Мудрого. Старших же сыновей Русского царя звали Ильей (имя его, возможно, рожденного 1-й женой князя, известно только по синодику Софии Новгородской) и Владимиром: удельных князей Новгорода Великого, времен княжения великого Ярослава Ладожского и Киевского. "Реальности" саги об Ортните воплощаются системой именно их родственных связей, а город Судерс, осаждавшийся Гертнитом с Владимиром и Ильей, мы знаем как крымскую Сугдею (Сольдею) - Сурож (греч.Судагос). Название перенесено из русского произношения! И биография Владимира Ярославича, неведомым (к великому нашему сожалению) образом, оказывается отраженною в сюжетах старогерманских "лживых саг" (беллетристических повестей). В русские источниках - прошедших тщательную византийскую цензуру, видимо, память о взятии Сурожа сохранилась лишь в переводе жития Стефана Сурожского (утратившем свой греческий оригинал, но сохранившем память о новгородских походах в Крым).

1.Рождение Киевской летописи

Неужели в Древнем Новгороде размовляли??? (Елена Чудинова)

Об этой юной княгине, - чувственное лицо которой, рядом с успевшим со свадьбы обрасти аккуратной бородкой мужем, запечатлели граффити и иконы, останки которой сохранил новгородский кафедральный собор, - НИЧЕГО не сказано в ныне известных летописях. Умерла она в цвете лет, едва в начале 3-го десятка.

Новгородская Карамзинская летопись (1-я выборка) - первоисточник общерусского средневекового летописания [http://samlib.ru/editors/z/zhdanowich_r_b/k1130-letijuraskreshiwanijarusihelxgi-hundingoboecnaukraine.shtml; также см.: Г.М.Прохоров 'Древнерусское летописание', 2014], сохранивший периоды хронистов кагана Ярослава Ладожского и Киевского и его канцелярии, хранит цитаты их, оставшиеся в этой копии кон. XV в., снятой с рукописи редакции 1411 года.

Список привязывает смерть вел.княгини Киевской - матери Владимира Ярославича (1020 г. рожд.), жены Ярослава Мудрого (980 г. рожд.) - к строительству Софии Новгородской: "*В лето 6549. Пакы на весну посла Ярослав сына своего Володимера на греки, и дав ему воя многы, варягы с русью, и воеводство поручи Вышате, Яневу отцу. И поиде Володимиръ на Царьград в лодьях, и прошедше порогы, и придоша в Дунай. Рекоша русь Володимиру: Станем зде на поли! А варязи рекошя: Поидем под град! И послуша Володимиръ варягъ, и от Дуная поиде к Царюграду съ вои по морю. Греци же видевше я, изыдошя на море и начашя погружате в мори пелены Христовы с мощами святых отець. И Божиим гневом възмутися море, и громъ бысть велик и силенъ, и бысть буря велика, и начашася лодьи разбивати, и разби корабли. И побегоша варязи вспять, и княжь Володимирь корабль разби ветром, и едва Иоан Творимирец князя всади в свой корабль и воеводы Ярославля. Прочии же вои Володимирови ввержени бышя на брегъ, числом 6000, сташа на брезе нази, и хотяще поити в Русь. И не иде с ними никтоже от дружины княжи. Вышата же воевода видев дружину стовшу, и рече: Аще жив буду, с ними, аще ли погыбну, то с дружиною! И поидошя, хотяще в Русь. И бысть весть греком, яко избило море русь, и послав царь, именемъ Мономах, по руси олядии <корабли типа нао> 14. Володимир же, видев с дружиною, яко идут по них, вспятився, изби олядии гречскыя, и възвратися в Русь, вседше в корабли свои. Вышату же яша съ извержеными на брег, и придоша и к Царюграду, и ослепиша руси много. По трех же летех миру бывшу, пущенъ бысть Вышата в Русь к Ярославу. Того же лета умре княгини, мати Володимеря, жена Ярославля, месяца октябрь в 5 день, в лето*

1-е, егда начя здати святую Софию. Тои же осени дасть Ярослав сестру свою за Казимира. И в та лета обидяше Моислав Казимира..." [ПСРЛ, т. 42, с.64].

Успех Владимира Большого - на фоне ошибок метеорологической службы и разгрома Вышаты, гибели под Варной пошедших сухим путем сил (идя без утонувшего тяжелого оружия, разгромленных конницей Дунайской фемы; пленникам, по византийскому обычаю, в Царьграде выкололи глаза и отсекли руки), был внушительный. В 1035 г. Константинопольский морской арсенал сгорел со всем содержимым, восстановлена морская инфраструктура Понтийского флота византийцев еще не была, и корабли, посланные в погоню за варварами (по греческим источникам – 24, а не 14), были всем, чем располагала столичная военно-морская база. Византийцы после этой кампании вновь оказались без флота, уязвимые с моря, и уже в том году некие «варанги», войдя в реку Риони, опустошают Грузию, землю греческих вассалов.

И не мудрено, то, как греко-христианский цензор в эпоху византийского ига над Русью, старательно вымарывал из русских летописей все известия о продолжении войны (рассказ о набеге на Имеретию остался лишь в туземном источнике), открываемые далее нам - лишь такими фольклорными памятниками, как "Сказание о киевских богатырях".

Летописный рассказ о морском походе на Царьград, сберегающий честь воеводы (акад.Лихачев, не видев Карамзинской летописи, полагал его написанным для ПВЛ со слов Яна Вышатича), снабженный датой лета 6549-го, сокращенно повторяется в Киевской летописи 1115 года ("Повесть Временных лет", далее - ПВЛ) под летом 6551-м. Лаврентьевская (одинаково с Карамзинской летописью уникально говорящая о впадении Днепра в Понт ОДНИМ "*жереломъ*" - гирлом) [там же, с.22; там же, т. 1, с.7], Радзивилловская и Ипатьевская редакции ПВЛ сокращают источник по-разному, но одинаково умалчивают о споре варягов с русью [там же, с. 152-153; т. 2, с. 142-143]. Так же сокращается ими описание бури, хотя в Карамзинской оно очень яркое, и главное, здесь виден первоисточник поэтических фигур - фигур антирусской вставки [В.Г.Брюсова "Русско-Византийские отношения середины XI в.", "Вопросы Истории", ?3, 1972, с.53], о, якобы, антирусских византийских метеорологических чудесах: Повесть о ночной битве войск Ярослава с Мстиславом Тмутороканским на Листвене в 1024 г. - в ПВЛ анналистически перебиваемая новеллой о мятеже волхвов в Суздальской земле [ПСРЛ, т. 1, с.148; т. 2, с.136], но в Карамзинской летописи стоящая целостно, предваряя повести 1030-х - 1040-х гг. [там же, т. 42, с.63].

Вера Григорьевна Брюсова отметила: "*Греки ...начаша погружати в море пелены Христовы с мощьми святых и божиим гневом възмутися море", - этот эпизод заимствован из окружного послания патриарха Фотия (867) о нашествии руссов, где греки-христиане противопоставлялись русским-язычникам <в действительности из пересказа-переделки эпизода послания Фотия, в 1972 в СССР еще не изданного, выполненного лишь в Псевдо-Амартоловом греческом источнике киевских летописей. - Р.Жд.>; здесь же и после крещения Руси божественное покровительство оказывается на стороне византийцев. Эта вставка не может принадлежать ни Вышате, ни Яну*" [Брюсова, с.53]. Подлинное же число кораблей, уничтоженных руссами, было руссам, разумеется, хорошо известно [там же].

Иначе говоря, в дошедшей копии мы встречаемся с фрагментами, уже подвергшимися тотальной греческой переписке в более позднее время, и иметь с ними дело нам будет трудно, постоянно беря поправку на время их, объем их вероятной византийской "подчистки". Мы лишь заключаем об их относительном старшинстве - сравнительно с летописью, ведшейся в Киево-Печерском монастыре, оставшейся нам в редакциях 1074 (Белорусская летопись), 1094 (НПЛ-М) и 1112 (протограф ПВЛ) годов.

ПВЛ по известным спискам, восходя обоими своими украинским и великорусским изводами к редакции Русско-Переяславской летописи 1128 года [см. http://samlib.ru/editors/z/zhdanowich_r_b/podrobnostiseksualxnojzhizniswjatogowladimira.shtml], лишь ЦИТИРУЕТ - цитирует ИСТОЧНИК, причем источник, уже правившийся и сокращавшийся прежде. Там, где он избежал редакции, он хранит древнейшие чтения. Напр., сообщая об уходе Болеслава Храброго в 1019 г. с Руси, Лаврентьевская летопись (общими пассажами близкая нашему списку Карамзинской) говорит об уводе им в Польшу бояр Ярослава и его сестры [ПСРЛ, т. 1, с.144] (ранее сообщив о сестре-Предславе). Карамзинская, более достоверно (западные источники это подтверждают), говорит об уводе взятых на ложе сестер во множественном числе [там же, т. 42, с.61].

Сообщения о смерти в 1040-х гг. вел.княгини, в данном источнике, по-видимому, не было. Оно, цитируемое в Карамзинском списке, вносимое в летопись из источника хрониста (правленого иначе, обладая иной хронологической сеткой), само по себе, ДРЕВНЕЕ. Известие НКЛ(1) о КИЕВСКОЙ княгине (та умерла 10.02.1051), вписываемое дважды: под лета 6549 и 6553, - проделав сложный путь копирования, одинаково недостоверно. Но оно равно снабжено относительной хронологической привязкой (писанное до снабжения летописей погодной сеткой) к известию о закладке новой Софии Новгородской, притом, что Ирина - жена Ярослава Киевского не имела к ней отношения, и дожила до завершения строительства обоих Софийских соборов, киевского и новгородского.

Лишь НКЛ(1) – среди древнерусских летописей-первоисточников, цитируемых компиляциями редактуры 1400-х гг. - сохранила предысторию великих строек христианства в Киеве, выдавая использование двух источников: '***В лето 6525***. *Заложи Ярославъ градъ велики Кыевъ, и Златая врата постави, и церковь святую Софию заложи.* ***В лето 6525*** *<вместо тое же лета>. Приидоша печенези къ Кыеву и всекошася в Киев, и одва къ вечеру одоле Ярослав печенеги, и отбегоша сетное и до сего дни*' [там же (здесь цитата по ТОДРЛ, т. 58, с.592, с отличием правописания от ПСРЛ)]. Ремарка «*до сего дни*» подразумевает, что писался 2-й источник не позднее 1030-х гг. В Московской и Воскресенской летописях, цитирующих эту статью, ремарки нет [ПСРЛ, т. 25, с.372; т. 7, с.326].

Вскоре Карамзинская летопись сообщит: «*В лето 6544. ...Ярославу же сущу в Новеграде, приде ему весть, яко печенези объстоят Киев. Ярослав же събра воя многы, варягы и словены, и приде к Киеву весне, и вниде в град свой, и печенеге бес числа виде. Ярослав же выступи из града и исплъчи дружину, и постави варяг посреди, а на правой стране киане, а на левои новгородци. И сташя пред градом. И печенези начашя приступати, изступишася на место, идеже есть ныне свята София, митрополиа русская, бе бо тогда о половине града. И бысть сеча зла, и едва одоле Ярослав к вечеру. И побегоша печенези разно, и не ведяху, камо бежаше, а стенюще, а инии истопоша в Сетомли, а инии въ иных реках, а прок их пробегоша и до сего дне*» [там же, т. 42, с. 62-63]. НПЛ (С) - хотя использовавшая Киевский свод 1094 г. - располагает события лет 6524-6525 иначе, не говоря о набеге 1017 г.: '…*И бысть сечя зла <ночная битва на Днепре>, и до света победиша Святопълка, и бежа Святопълкъ въ Печенегы, а Ярослав иде Кыеву, и съде на столе отця своего Володимира. И нача вое – свое делити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривне, а новегородьчемъ по 10 всеъ, и отпусти я домовь вся. В лето 6525. Иде Ярославъ идее к Берестью. И заложена бысть Святая София Кыеве*' [там же, т. 3, с.16]. ПВЛ увидела захват южной столицы силами северного князя совсем иначе: '*...Святополкъ же бежа в Ляхы, Ярославъ же седее в Кыеве на столе отни, бе же тогда Ярославь лет 28. В лето 6525. Ярославъ ввоиде в Кыевъ, и погореша церкви*' [там же, т. 2, с.130]. Действительно, город в сентябре 1017 г. брали

новгородцы, помнившие о своем крещении *'огнем и мечем'*, далекие от почтения к греко-христианской религии. Эти известия НКЛ-1, самоочевидные и неупомянутые новгородскими летописцами, подтверждены западным хронистом. О походе Ярослава на запад, на земли Болеслава и Святополка, говорит в 65-й главе Титмар Мерзебургский, подтверждая известие. Он же, описав вступление Польского короля со своим тестем в Киев 14.08.1018 г., отмечает, что город сгорел в прошлом году - включая собор Св.Софии, где ныне, однако, победителей уже приветствует митрополит. Как видно, Софийская церковь имелась в Киеве издавна, однако, подобно Софии Новгородской, была первоначально деревянной, 'обыденной'... Древность ее подтверждает знаменитый псковский список Апостола 1307 г. (хранящий писцовую ремарку с цитатой из «Слова о полку Игореве»). В нем датой освящения Киевской Софии названо 11 мая лета 6460-го (952 г.) [О.М.Рапов «Русская церковь в IX – 1-й\3 XII вв.», 1988, с.174] – эпоха княжения Ольги, до ее поездок в Константинополь, удостоверяя христианство и болгарское происхождение Плисковитинки цесаревны Х`Елены – «Алохеи» скандинавских саг (в семье мужа звавшейся русифицированной формой имени правителя: Ольгой, Х`Ольгой в греческом написании Багрянородного - с указателем ж\рода).

Разумеется, русская церковь сер. X в. была деревянной; в период правления Ольги, союзницы царьградского кесаря, закономерно, эта церковь была освящена как Софийская (в отличье от Ильинской, ставившейся в период походов на Царьград).

Предполагается перенос в Карамзинскую летопись под 1017 г. известия о печенежском набеге 1037 г. [Прохоров, с.154]. Но Новгородская митрополичья летопись 1539 г. (список Дубровского) дословно подтверждает известие НКЛ-1 [ПСРЛ, т. 43, с.50]. Мы имеем также данные исследования костяка Ярослава. Князь в молодом возрасте получил тяжелое ранение в правую ногу, с рассечением ниже колена всей кости, так, что нога висела лишь на мышечных волокнах, и после сращения (неправильного) мог ходить, лишь сильно хромая, припадая вправо и опираясь на палку. Это подтверждается исландской повестью об Эймунде (единственный список XV в.), знающей о тяжелом ранении Ярослава после 1016 г. [Е.Рыдзевская 'Ярослав Мудрый в древне-северной лит-ре', КСИИМК, вып. 7, с.69]. В сохранившихся киевской и новгородской летописях (ПВЛ и НПЛ) сообщений об этом нет, и приходится отнести это событие к нападению печенегов на Киев в лето 6525-е, прервавшему фортификационные работы и надолго лишившему Ярослава подвижности. Это повлекло утрату единоначалия и скандальный разгром в бою с Болеславом в 22.07.1018. Сохранила эти сведения лишь статья Карамзинской летописи, выдавая неизвестный древний источник.

Летопись была "альтернативной" по отношению к стандартному набору летописных источников, но была хорошо известна. "*...И бе у Ярослава кормилець и воевода именем Буды. И нача <Буды> укоряти Болеслава, глаголя: Да то - ти прободемъ трескою <тростью-копьем> чрево твое тлъстое! Бе бо Болеслав велик и тяжекъ, яко и на кони не могы сидети, но бяше смысленъ. И рече Болеслав к дружине своеи: Аще вы <вам> сего укора не жаль, азъ единъ погыбну! И сед на конь, и побреде в реку, и по немъ вои его. Ярослав же не утягну исплъчитися, и победи Болеслав Ярослава. И ту убиша Буды-воеводу, и всех <киевлян> множество победишя, а еже ихъ руками изимашя - то расточи Болеслав по Ляхом, а самъ вниде в Киев съ Святоплъком и седе на столе Володимери. И тогда Болеслав положи себе на ложи Передславу, дщерь Володимирю, сестру Ярославлю*" [ПСРЛ, т. 42, с.61] - последнюю подробность разгрома Ярослава в 1018 г. на Буге польско-германской ратью Болеслава Храброго НПЛ (Киевский свод 1094 г.) и ПВЛ (Киевская летопись 1115 г.) по всем своим редакциям опустили. Сообщает об этом лишь НКЛ(1), передав эту же информацию митрополичьей Софийской летописи 1418 г. [там же, т. 6 (вып.

1-й), с.130] и далее епископской Вологодско-Пермской 1500 г. [там же, т. 26, с.31] (в Никаноровском списке редакции 1472 г. здесь лакуна) и княжеской Московской 1479 г. [там же, т. 25, с.373]. Эта версия повествования о битве на Буге была, однако, хорошо известна. Повесть о разорении Рязани из сборника повестей о Николе Зарайском, где мотивирующим действие стал древний обычай ритуального насилия над женщинами побежденных, объясняя поражение рязанского войска, в рассказе о Воронежской битве изрекает: "*...Батыеве бо силе велице и тяжце*". Это - скрытая отсылка к повести о битве на Буге по источнику НКЛ(1), причем рязанские княгини, погибшие защищая последний рубеж обороны - соборную Успенскую церковь, противопоставляются сестрам Ярослава (Болеслав увел в Польшу двух его сестер, это указывает Густынская летопись). В других летописных новеллах, в т.ч. и в Сказании о Коловрате – в «Повести о Николе Зарайском» интерполированном, возникшем же как самостоятельная повесть, прилагаемые обороты употребляются только по отдельности: "*сила тяжкая*" – в южном (заимствование из Иудейского Хронографа), "*великая сила*" - в новгородском летописании.

Дублирующее сообщение о смерти княгини в НКЛ-1 повторяется так: "*В лето 6553. Заложи Володимиръ святую Софию в Новеграде. Того же лета умре княгини, мати Володимиря, жена Ярославля, месяца октября 5 день, в лето, егда нача здати святую Софию*" [там же, т. 42, с.64]. Оно несет, само по себе, оставшийся "не вычищенным" редакторами признак глубокой древности: написание по-славянски "*Новград*", вместо русского летописного Новгород [см. http://samlib.ru/editors/z/zhdanowich_r_b/sergijradonezhskijprotiwoligarhow.shtml]. Только за этой статьей мы находим в летописи сообщение о причинах, как можно понять, стройки Софии Новгородской, предпринятой Владимиром Ярославичем: "*В лето 6557. Месяца марта 4 въ день суботный сгоре церкви святаа Софиа: беаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имуща, а стояла конець Пискупли улици над Влъховом, идеже ныне поставилъ Сотко церковь камену святого Бориса и Глеба. В лето 6558. Священа бысть святаа София в Новеграде, на Въздвижение честнаго креста, повелением князя Ярослава и сына его Володимира, и архиепископа Лукы*" [ПСРЛ, т. 42, с. 64-65].

Сообщение воспроизведено в Новгородской I летописи младшего извода [там же, т. 3, с.182] - официальных анналах Новгородского архиепископа середины XV века. Но оно противоречит известию этой же летописи, приводимому в ее Старшем изводе (Синодальный список XIII века):

'*Въ лето 6553. Съгоре святая София въ суботу, по заутрьнии въ час 3, месяця марта въ 15. Въ то же лето заложена бысть святая София Новегороде Володимиромь князем*ь' [там же, с.17]. Противоречие обычно разрешается в пользу Младшего извода летописи, ибо 04.03.1049 г. была суббота, а 15.03.1045 - нет. Перенесена была, по Н.Г.Бережкову, дата в Старшем изводе, ради согласования факта с сообщением о закладки Софии Новой, и правильную, хотя и сокращенную (не названо время) дату хранит НПЛ (М) ['Хронология русского летописания', 1963, с.221]. Но, как пишет В.Л.Янин: '*...такое явно искусственное построение могло бы быть оправдано, если бы день пожара, показанный в Синодальном списке, действительно не соответствовал бы субботе. Однако 6553 г., начавшись в 1045 г., закончился в 1046 г., а 15 марта в нем приходится как раз на субботу. Иными словами, допустив здесь употребление циркамартовской датировки <новолетие не от 01.03, а от мартовского полнолуния>, мы лишаемся возможности опорочить известие Синодального списка*' ['Очерки комплексного источниковедения', 1977, с.124].

Очень краткий (здесь) Синодальный список новгородской летописи (кодекс Юрьевского монастыря), увы, умалчивает о биографических подробностях жизни Владимира Ярославича - ставшего в 1036 самостоятельным Новгородским князем, держателем престолонаследнического удела. Но в сообщаемом список достоверен и древен - еще не зная о построении в 1170-х гг. Содко Сытиничем великой Борисоглебской церкви, не отождествляя ее месторасположение с местом Софии Изначальной (поздняя легенда, усвоенная летописанием едва к XIV веку) [см. там же, далее].

Особенностью же 1-й части единственного списка двойной Карамзинской летописи стало довольно правильное чередование написаний для XI - XV веков одним из копиистов (не последним) - колебавшимся между полногласной нормой канцелярского языка (коим писались летописи) и строгим следованием источнику: Новгород\Новград. Систематичность южнославянского - неполногласного написания сохраняется лишь на протяжении повествования, от крещения Владимира Святого и перечня его сыновей, и до рассказа о Ростиславе Владимировиче Тмутороканском (+ 1067) включительно [ПСРЛ, т. 42, с. 55-67]. С ним - с сыном Владимира Новгородского и с его сыновьями, предположительно, и следует связывать написание летописи, чей отрывок хранится Карамзинским списком, в дальнейшем по-всякому правленый летописцами. Это - то самое 'Сказание о распространении христианства', связанное с Тмутороканью, которое умозрительно реконструировал Д.С.Лихачев, ошибочно связуя с летописанием Печерского монастыря!

Инициатором его - оказалась не монашеская, а светская - княжеская канцелярия (для которой кончавшиеся женщины равно были законными государынями, а не лишь 'источником греха'). В отличье от Киевской летописи (ПВЛ), эта летопись, хотя и правленая, была независима от источников литературных - византийских хроник: в тех точно назывались 24 уничтоженных Владимиром Ярославичем триремы [Брюсова, с.53], а не 14, как дошло в цензурированных русских текстах.

В ранней части кодекса находится генеалогическая справка: "*В лето 6395. ...А Ярослав княжил лет 40. А Володимиръ Ярославич лет 4. Володимера Ярославич сынове: Мстислав, Ярополкъ, Вечеславъ, Всеволод, Юрьи, Андреи. Всеволода Ярославича сынове: Володимеръ Манамах, Ростислав, Ярополкъ. Юрья Володимерича сынове...*" [ПСРЛ, т. 42, с.26]. К Владимиру Ярославичу здесь приписан обрывок каталога потомков Владимира Всеволодовича Мономаха (пропущены Изяслав и Роман)! В кон. XII – нач. XIII века, как показывает «Слово о погибели Русской земли», уже сложилась «мифология Всеволодовичей (Мономаховичей)», где Владимиру Мономаху приписывался поход на Царьград. И его - спутывали с Владимиром Новгородским. Но

сомнений в том, что на греков ходил, вернувшись с победою и с трофеем – невестой для младшего брата, Русско-Переяславского князя, - как следует из ошибки Карамзинского списка - Владимир Ярославич Новгородский, в ту эпоху еще не было.

Вот известия, посвященные Новгородско-Тмутороканско-Галицким князьям, транслированные, можно полагать, компилятивному новгородскому списку 1490-х годов их родовой летописью - Галицкой: "*В лето 6544. ...По сем же прия власть его <Мстислава Тмутороканского> всю Ярослав, и бысть самовластець в Рускои земли. И иде Ярослав к Новуграду, и посади сына своего Володимира в Новеграде, и епископа постави Жиряту, и людемъ написа грамоту, рекъ: По сей грамоте даите дань! И бяше хромоног, но умъ бяше добръ в немъ, и храбръ на рати, и християнъ, понеже чтяше книгы*" [там же, с.63].

"*Паки на весну посла Ярослав сына своего Володимира на греки и дав ему воя многы, варягы с русью, и воеводство поручи Вышате, Яневу отцу...*" [там же, с.64].

"*В лето 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, на ямь и, и победи я, и победи множество еми. И помрошя кони у вои Володимерь, и яко еще дышущим конемъ, сдираху кожи с них с живых, толикъ бо бе моръ на коних*" [там же]. В таблице летописных соответствий Г.М.Прохорова здесь обозначено "приблизительно равно" Лаврентьевской [Прохоров, с.158]. Нам, однако, вспоминается иной "приблизительно равный" источник: "Иудейский Хронограф", по наблюдениям Н.В.Мещерского, переведенный не позднее 1040-х гг., где также, в переводе речи этнарха Агриппы, имеется эта чисто русская вставка о северном "*море дышащем*".

Далее: "*В лето 6572. Бежа Ростислав къ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внукъ Ярославль, и с ним бе Порей, Вышата, сын Остромирь, воеводы новгородского. И пришед, выгна Глеба ис Тмутороканя, а сам седе в него место. В лето 6573. Иде Святослав на Ростислава, Ростислав же отпусти <м.б. отступи?> кроме града, не убоявся его, но не хотя противу строеви своему оружия взяти. Святослав же, пришед къ Тмуторокани, посади пакы сына своего Глеба и възвратися опять. Ростислав же, пришед, пакы выгна Глеба, а сам седе в Тмуторокани, и пришед Глебъ къ отцу своему. ...А в се же лето Всеслав рать почал...*" [ПСРЛ, т. 42, с.66].

"*В лето 6574. Ростиславу сущу в Тмуторокани, имающи дань у касогъ и в инех стран, сего же убоявшися, греци послаша с лестию коп<"то" - вычеркнуто>ана. Оному же, пришедшу к Ростиславу, и вверившуся ему, чтяшет и Ростислав...*" [там же, с.67].

"*В лето 6558. Священа бысть святаа Софиа въ Новеграде, на Въздвижение честнаго креста, повелением князя Ярослава и сына его Володимера, и архиепископа Лукы*" [там же, с.85].

"*В лето 6686. Преставися Мстислав Ростиславич <исправлено из "Ярославич">, и положиша и в святей Софии в Новеграде, в притворе, в гробници Володимира Ярославича*" [там же, с.105] – в XII веке представления о гробнице Владимира Ярославича еще были исчерпывающими.

***

(С.А.Гедеонов)

…Утверждение, будто Карамзинская и Эрмитажная рукописи сохранили не извлечения из ПВЛ (включая заголовок ее), компилируемые с Временником (Новгородская летопись), а ее "заготовку" - материалы, запечатленные компиляцией до сведения ПВЛ, как оная являема Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской, Переславльской летописями, не встретит согласия у историков. Они постулируют, будто древнейшая (сохранившаяся) редакция ПВЛ заключена в древнейшем списке - Лаврентьевском 1376 г.. Правда, возможным этот подлог становится, лишь при замалчивании факта, некогда указанного великим русским ученым и общественным деятелем С.А.Гедеоновым - еще до введения А.А.Шахматовым в текстологический оборот Карамзинского и Эрмитажного списков.

Уточнение, что церковь св.Николы на могиле Аскольда ставил Олма, хозяин двора в Киеве [там же, с.26] (исторический мадьярский хан Альмош, слуга Хазарского кагана), выбрасывают те самые летописи, которые выбрасывают указание, что, таясь Аскольда, Олег выдает себя за "*подъугорского гостя*" [там же] - идущего из Игоревой земли лазутчика, призывая к себе хозяев Киева [см.: С.Гедеонов «Варяги и Русь», 2004, с. 192-194]. Это - те летописи, которые содержат готовый текст Повести Временных лет [ПСРЛ, т. 1, с.23], а не компиляцию, как НКЛ-1. Они же приписывают Аскольду и Диру исхождение от Рюриковой дружины. НПЛ (М) и НКЛ (1) это отрицают, но Временник (НПЛ) делает это конспективно: «*…Игорь же и Олегъ, творящася мимоидуща, и потаистася в лодьях, и с малою дружиною излезоста на брегъ, творящася подугорскыми гостьми, и съзваста Асколда и Дира. Слезъшима же има, выскакаша прочии воины з лодьи Игоревы на брегъ, и рече Игорь ко Асколду: Вы неста князя, ни роду княжа, нъ азъ есмь князь и мне достоит княжити! И убиша Асколда и Дира, и абие несъше на гору, и погребоша и Асколда на горе, еже ся ныне Угорьское наричеть, идее же есть двор Олминъ…*» [там же, т. 3, с.108].

НКЛ-1 точнее и пространней, она не скрывает младенчество Игоря и княжеский титул Олега (по Раскольничьей летописи в изложении Татищева – Рюрикова шурина): «*...Игорь же и Олег, творящася мимо идуща, потаистася в лодиах, и с малою дружиною изыдоста на брегъ. И посла Олегъ къ Асколду и Дирови, глаголя сице, яко: Гость есмь подугорскыи, идемъ в Греки от Олга-князя и от Игоря-княжича, да придете к нам, к родомъ своим! Асколдъ же и Диръ приидоста к ним. Олегъ же, вземъ Игоря на руце си, и рече Асколду и Дирови: Вы неста князи, ни роду княжа, но азъ есмь князь, мне достоит княжити, а се есть сынъ Рюриков, Игорь-княжичь! И выскакавшее из лодии прочии воини Игоревы, и убиста Асколда и Дира. И несша их на гору, и погребоша, еже ся ныне нарицает Угорское, идеже двор Олмин*» [там же, т. 42,

с.26]. Обе летописи передают источник IX века (ау, баснописцы «безграмотной языческой Руси»!), для которого еврейские слуги – мадьярские беки Малескольд и Альмош современники. Но в НКЛ(1) цитирование полнее, в НПЛ оно сокращаемо.

ПВЛ также, наряду со Смоленском, Олегу вменяет взятие Любеча. Этого довеска, внесенного любецким хронистом, нет в НКЛ-1, притом, что она содержит куски текстов, известных нам из позднейшей Киевской летописи 1110-х гг. (ПВЛ). Южнорусская - Ипатьевская редакция пропускает название Смоленска, вставляя Любеч наместо его (что само по себе, маловероятно, т.к. захват Киева был "спецоперацией", а Любеч, в отличие от далекого Смоленска, лежит близ Киева): "*В лето 6390. Поиде Олгъ, поємъ вои свои многы - Варягы, Чюдь, Словены, Мерю, Весь, Кривичи. И прия городъ, и посади в нємъ мужь свои. Отуда поиде внизъ, и пришєдъ, взя Любечь, и посади мужь свои. И приидоста къ горамъ Києвьскымъ, и оувиде Олгъ, яко Осколдъ и Дирдъ княжита. И похорони вои въ лодьяхъ, а другыя назади остави, а самъ приде, нося Игоря молод(а), и приступль подъ Оугорьскоє, похоронивъ вои свои. И посла къ Асколду и Диру, глагола, яко гостьє єсмы, идемъ въ Грекы, от Олга и от Игоря княжича, да приид(е)та к роду своєму, к нам(ъ)*" [там же, т. 2, с.17]. Из чтений этого же периода, изложенного в 1-й части Карамзинской летописи и в Эрмитажном списке Московской летописи 1479 г., видно, как упоминание Смоленска пропускается Ипатьевской, что первоисточник его содержал: "*В лето 6389. Поиде Олегъ, поимъ Игоря, из Новагорода к Киеву, и прииде к Смоленску и прия град и посади в немъ мужи свои. И оттуду поиде внизъ по Днепру, прииде к горам Киевским. И увидевъ Олегъ, яко Аскордъ и Диръ княжатъ в Киеве. Игорь же и Олегъ, творящась мимо идуща, потаиста в лодьях, и с малою дружиною изыдоста на брегъ. И посла Алегъ ка Асколду и Дирови, глаголя сице: Яко гость есмь Подугорски, идемъ в Греки от Олга-князя и от Игоря - княжа чада, приидете к намъ, к родом своим*" [там же, т. 25, с.342]. Московская летопись его сохранила, забыв что прежде она восприняла утверждение уже готовой ПВЛ, призванное скрыть память о войне с Хазарией – утверждение, будто Аскольд и Дир были послужильцами Рюрика [там же, с.340].

Первоисточник известий IX века был новгородским - сохраняемый в летописи Владимира Ярославича, он не скрывал мадьярской национальности Аскольда (киевский бек Малескольд) и Дира (волынский бек ДерА) - хазарских послужильцев [см. http://samlib.ru/editors/z/zhdanowich_r_b/k1130-letijuraskreshiwanijarusihelxgi-hundingoboecnaukraine.shtml]! Текст за IX век в рукописи Новгородской Карамзинской летописи (и Московской 1479 г.) - отражает процесс СОЗДАНИЯ в Выдубицком м-ре ПВЛ, истирания редактором сведений об иудейско-христианском иге, использования же "повествователем" - чужого (антихазарского) источника, а не ее (ПВЛ) компилирования со своим протографом - Киевским сводом 1094 г. (что сохранен в Новгородской I летописи мл.извода).

Отсюда происходит уникальное чтение в Сказании об апостоле Андрее, появляющемся в ПВЛ (редакция его греческого протографа известна, это «Деяния апп.Андрея и Матфея в стране людоедов»), говорящее о впадении Днепра в Понт одним жерлом [ПСРЛ, т. 42, с.22]. Кроме Карамзинской компиляции, оно сохранилось лишь в ПВЛ редакции Суздальской летописи извода Лаврентьевского списка (киевская летопись, в XII веке проделавшая путь в Переяслав Русский и в Низовскую землю, а в XIII в. в Тверь) [там же, т. 1, с.7]. Уникальная Нижегородская (Лаврентьевская) летопись не могла послужить источником чтения Новгородской Карамзинской: она известна в единственной копии с тверской рукописи удельно-княжеской летописи - замененной в 1307 г. великокняжеской и пребывавшей до 1375 в архиве. С 1392 г. и весь XV век трофейный нижегородский список лежал в фондах великокняжеского Богородице-Рождественского монастыря («Великой

архимандритии»), хранимый крайне небрежно, без переплета, расплетенный на тетради [Прохоров, с.с. 337-341].

Судя по периоду хорошо сохранившегося в Карамзинской летописи новгородского материала 1035-1047 гг. [Н.Милютенко "Новгородский свод 1078 г...", ТОДРЛ, т. 58-й, с. 588-589], с рядом уникальных ее чтений, - периоду, тянувшемуся от времени женитьбы Новгородского князя (см. ниже, 6-я глава) до начала его вдовства, - мы можем полагать что летописание Владимировичей - Ростиславичей Галицких и Велико-Новгородских было учреждением, совершавшимся при деятельном участии безымянной княгини Владимира Ярославича, женившегося в 1030-х и овдовевшего в 1046 г..

Почему сообщение о смерти княгини, связанной с Владимиром Ярославичем, существующее единственно внутри 1-й части Карамзинского списка, было размещено в нем дважды (причем первый раз наобум)? Нужно учитывать, что дошедший состав - это обширная (и достаточно поздняя) компиляция, что летопись редактировалась, минимум, трижды: в нач. XII века (когда создавалась ПВЛ), после 1170-х гг. (видимо, в 1270-х - 1340-х гг.), наконец, в 1410 г.. Полагаю, уже протограф снабжался хронологической сеткой (т.е. обрывался не ранее 1070-х гг.), но использовалась в нём Болгарская (старо-константинопольская) эра, с Р.Х. в 5505 г. от Сотв.мира, и поздний компилятор, вносивший извлечения из него в подборку известий Карамзинской летописи, не понимая хронологии источника, совместил известие летописи Галицких князей с более молодым киевским летописанием (ПВЛ), использовавшим Александрийскую (византийскую) эру, с разницей в 5508\5509 лет, под двумя датами - арифметической (л. 5549-е) и событийной (назвав здесь закладку Владимиром Св.Софии).

Но, само по себе, цитированное ранее дословно сообщение, говорившее о смерти в 1046 г. безымянной бабки Ростислава Владимировича, нам известной как Ирина (Ингигерда), мать Владимира Ярославича, является ложным. Об этом хорошо знали летописцы, и при воспроизведении сих статей НКЛ(1), напр. в летописи по списку Дубровского, сообщения о смерти матери Ярославича выбрасывалось [ПСРЛ, т. 43, с.50]. Ирина Шведская - умерла в Киеве, 10.02.1051 [там же, т. 2, с.148; т. 3, с.182; т. 15, с.150; т. 30, с.45; т. 41, с.56], это было известно. Она успела поприсутствовать при освящении Софии Киевской - её называет "Слово о законе и благодати", произнесенное Илларионом на церемонии. Точную дату смерти, наряду с ПВЛ по Ипатьевской летописи, называет Московская летопись 1479 г., известная по спискам Уваровскому (XVI в., в нем эта часть отсутствует) и Эрмитажному (кон. XVIII века) [там же, т. 25, с.377], среди источников – пользовавшаяся КПЛ(1). Лежит доныне Ирина - увы и ах! - в царском супружеском саркофаге собора столицы Украинской Державы, что обстоятельно изучили и – главное - опубликовали советские антропологи с еврейскими фамилиями, которых сложно теперь будет "обнулить" их кремлевским и радонежским соплеменникам. С этим - укропофагам придется смириться [см.: В.Гинзбург "Об антропологическом исследовании...", КСИИМК, вып. 7, с. 56-62; Д.Рохлин "Болезни древних людей", М., 1965, с.261]!

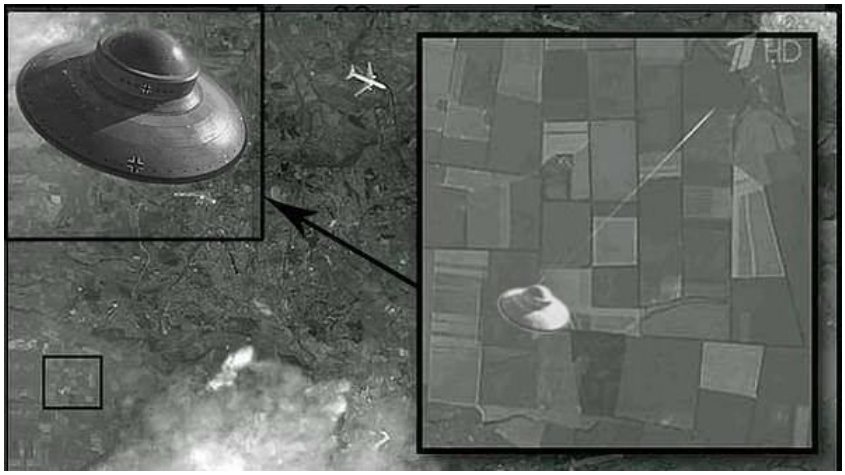
За названными событиями 1046 г., "*В лето 6560 преставися князь великый Володимеръ Ярославичъ, сынъ Ярославль старейший. И положенъ бысть в Святой Софеи, юже создалъ*" [ПСРЛ, т. 6 (вып. 1-й), с.181] - в его Софии, а не в отцовской, - в новгородском кафедральном соборе, где он доныне и лежит, вместе со своею 25-летней подругой [см. Г.Ф.Корзухина "Клады русской земли...", 1954, с.52, прим.4]!

Когда в XV в. редактор Старшего извода (1418 г.) митрополичьей Софийской I летописи (списки Оболенского и Карамзина) допустил ошибку в числе, указав датой смерти вел.княгини 14.02.1051 года [ПСРЛ, т. 6 (1), с.181],

в списках младшей редакции летописи ошибку оперативно исправляют, проставляя верную дату [там же; см. там же, т. 39, с.46 (см.: там же, т. 5-й (1925 г. издания), с.130; там же (1851 г.), с.138, см. прим. {см. http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161777#?page=147}]. Это означает, что канцелярия располагала древнерусской летописью, сходной с летописью Ипатьевской (единственной, датирующей память Ирины), но в редакции, отличной от существующей, где стоит 10.02 [ПСРЛ, т. 2, с.148]. Перестановка, указующая на правку текста, на извлечение записи-некролога из гетерогенного источника, сохранилась в этих списках - Карамзинском и Оболенском, где имеет место объединение сообщений об освящении собора и Владимире Ярославиче и о смерти Ярославовой княгини, поставленное не на место. Летопись рисует такую последовательность событий (знаки препинания, разумеется, современные): "*Въ лето 6558 священа бысть святая София в Новегороде на Въздвижение честнаго Креста повелениемъ великаго князя Ярослава... Того же лета преставися княгиня Ярославля февраля въ 14 день... И сыне его, князя Владимира, и архиепископа Новогородского Луки. Въ лето 6559 постави Ярославъ Лариона - митрополита Русина святей Софеи Киеву, собра епископы. Въ лето 6560 преставися князь великый Владимеръ, сынъ Ярославль старейший, въ Новегороде, месяца октября въ 4 день, в неделю, и положенъ бысть въ святей Софии, юже создалъ*" [там же, т. 6 (1), с.181, см. прим]. В младшем изводе церковного официоза предложение "*того же лета преставися княгиня Ярославля февраля въ 14 день*" было перемещено в нужное место, а дата исправлена. Напомним, что древнейший известный список южной летописи 1292 года (Ипатьевской) был снят - с уже ветхого источника - около 1420-х гг. в Пскове. Эта летопись располагала сведениями о новгородских князьях и вызывала интерес, в ней - обильной точно датированными событиями, подобно Карамзинской (а также основанной на Ипатьвской летописи Густынской), в частности, указывается место погребения Владимира Ярославича и Мстислава Ростиславича (Храброго) в Софии [там же, т. 2, с.610]. Разнообразные источники, детально сообщавшие о кончине Киевской княгини, позволявшие перепроверку, в Великороссии - во Владимире Залесском, Новгороде и Москве были перед глазами митрополичьих редакторов!

В 1530-х гг. Макарий, тогда Новгородский митрополит, сводил собственную летопись, дошедшую в единственной копии 1600-х гг., использовав в ней Карамзинскую рукопись - уже в ее нынешнем виде. Ряд ее статей, в частности лет 6549-го и 6553-го, просто списан. Но при этом, речения о матери престолонаследника, включенные в статьи источника, из периодов были выброшены [там же, т. 43, с.53], хотя альтернативное известие НПЛ(М) о смерти жены Ярослава Мудрого в 1050 г. редактор не воспроизводил: для него данные НКЛ(1) о матери Владимира Ярославича потребовались, но они показались ему недостоверны, выброшенные и ничем не замененные.

2.Предшественник Михаила Леонтьева



Мы можем проверять сам Карамзинский список по опубликованному Эрмитажному списку Московской летописи (древний Уваровский список, увы, начинается лишь с 1075 г.). Сводчик использовал Карамзинскую летопись (сообщив о споре руси с варягами), а наряду с ней - Ипатьевскую (говоря о смерти жены Ярослава 10.02.1050) [там же, т. 25, с. 376-377]. И он также выбросил сообщение Карамзинской о смерти матери Владимира Ярославича в 1046 г.. Оно - уже было в протографе, но оно осознавалось, как недостоверное, историограф понимал, что погребенная в Софии Новгородской княгиня - не Ирина.

Московская летопись служила черновиком Воскресенской, так же как в Московской, в Воскресенской называется подлинная дата смерти жены Ярослава Мудрого, а дата Карамзинского списка опускается [там же, т. 7, с. 329-331]. И в этой вот летописи - внося в кодекс-протограф велико- и удельно-княжеский родословец, зная о содержании ошибочно датированного известия в авторитетном источнике (список НКЛ-1), редактор специально оговаривает, внося ремарку, что Владимир Ярославич погребен в Новгородской Софии со своей женой [там же, с.232] - безотносительно погребенной в Софии Киевской его матери, княгини Ингигерды-Ирины. Поскольку Макарий, став общерусским митрополитом, принимал участие в работе над Воскресенской летописью, полагаю, указание на похороненную рядом с Владимиром Ярославичем княгиню, как на его жену, подкрепляется авторитетом его имени.

Это поддается проверке. Первой известной летописью, снабженной родословными материалами, была Новгородская I летопись Младшего извода по Комиссионному списку (1440-е годы). Ее родословец не полон: он исчисляет лишь вел.князей Киевских, Новгородских и Владимирских с сыновьями, плюс краткие родословия Московских, Суздальских и Тверских князей [там же, т. 3, с. 465-470]. Очевидно, в условиях интенсивных сношений в XIV – XV в. с Литвой, где княжили потомки Святослава Ярославича, Изяслава Ярославича (князья Острожские), вероятно, Изяслава Владимировича (князья Полоцкие), владычная канцелярия должна была свести и более полный источник по генеалогии потомков Рюрика. Куда он исчез?

Начало Московской летописи утрачено во всех списках – мы не знаем, предпосылался ли ей Велико- и Удельно-княжеский Родословец, внесенный в большинство целостных списков Воскресенской. Но Московская летопись на протяжении 1418 - 1470-х гг. пользовалась источником, также использованным в «Летописце от 72 язык», снабжавшемся родословиями, известном в 3 опубликованных редакциях: списки Ермолинский (Л72Я-1), Уваровский с Прилуцким (Л72Я-2) и конспективный Белозерский (Л72Я-3).

Ермолинский список содержит, на свободных листах между окончанием хроники (1480-е гг.) и дополнительными церковными и повествовательными статьями кон. XV – нач. XVI в., великорусский неполный родословец: князей Русских Великих, Тверских, Ростовских, Белозерских, Смоленских,

Ярославских [там же, т. 23, Предисловие]. В Уваровском списке 1530-х гг. - списке князей Оболенских, потомков Юрия Тарусского [К.Н.Сербина «Летописный свод 1518 г.»\ «Вопросы историографии и источниковедения СССР», 1963], этот родословец выписан. В нем последний - Дмитрий Иванович, без киновари; это сын вел.князя-соправителя Ивана Молодого, еще здравствовавшего (киноварь), то есть протограф писался в 1483 - 1489 гг. [ПСРЛ, т. 23, с.167]. Родословец стоит наряду со списками новгородских посадников, тысяцких, архиереев и архимандритов [там же, с. 164-166], как в Комиссионном кодексе НПЛ-М (с небольшими вариациями), открывая новгородские корни источника. Наряду с названным, в Уваровский список внесен под 1246 годом - за повестью о мученичестве Михаила Черниговского - краткий родословец Черниговских князей (Тарусская и Звенигородская ветви) [там же, с. 81-82]. Скорее всего, он содержит подлог: изведение ветвей от престижной персоны св.мученика [см. Р.Беспалов «Новое потомство» Михаила Черниговского»\ «Проблемы славяноведения», Брянск, 2011, вып.13].

В Прилуцком списке Л72Я-2 родословца нет. Но Л72Я-2 за 1477-1482 гг. близок Типографской летописи; и в ней (Синодальная редакция, список 1540-х гг.), аналогично, мы находим прилагаемый к летописанию Родословец, в конце к которому присоединен (гетерогенный) краткий родословец тарусских потомков Черниговского княжеского дома, претендовавших на происхождение от мч. Михаила [ПСРЛ, т. 24, с.234]. Особенность же огромного родословца Воскресенской летописи - это отсутствие, причем уже в своем оглавлении, родословия Черниговских князей [там же, т. 7, с. 219-223], хотя, их малозаметные Муромо-Рязанские сродники в родословце стоят [там же, с.244].

Родословец того же состава, что и в НПЛ по Комиссионному списку, мы находим также в двух сборниках, включавших Владимирский Летописец [там же, т. 30, Предисловие, с.4], так же лишенный черниговского родословия. Но сохранилась в рукописи 1580 г. копия той выборки летописных материалов 1510-х гг., по которой писался Владимирский Летописец. Эта выборка содержит родословия НПЛ (Комиссионного), расширенные родословцами Стародубских и Литовских князей [«Очерки феодальной России», 2007, вып. 11, с. 229-232], а также (причем стоящий отдельно) маленький фрагмент перечня кон. XV в. потомков Юрия Тарусского (выдаваемого за сына св.Михаила Всеволодовича) [там же, с.245], протографичный к родословцу Типографской летописи [там же, с.с. 181, 209-210]. Видимо – этот тот самый фрагмент, что исчез из источника Московской (Воскресенской) летописи.

Думаю, Оболенским захотелось слегка «подпиарить» происхождение, возведя себя и родичей к престижной персоне св.Михаила Всеволодовича (реально имевшего лишь сына Ростислава – возможно, носившего церковное имя Юрия, спутываясь с Юрием Тарусским, но эмигрировавшего в Венгрию)… Так объясняется искажение Черниговского родословия. Не прав был Роман Беспалов, вменив фальсификацию происхождения черниговских князей мниху Дионисию (в миру князь Звенигородский), соратнику Иосифа Волоцкого, в 1520-х гг.!

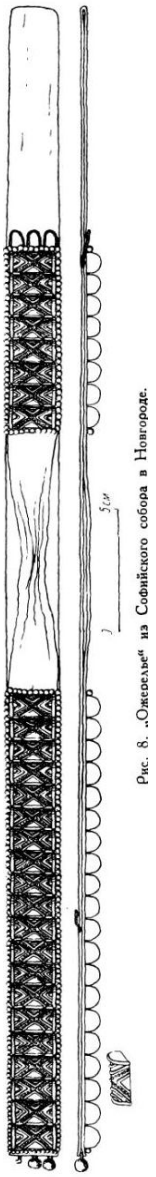
И так объясняется, почему Объединенный Черниговский (ошибочный) родословец появляется уже в кодексе Супрасльской летописи, снабженном авторской датой 1519 года [там же, т. 17, Предисловие], ранее сборников монахов Волоколамского монастыря. Провал в обокраденном новгородском источнике обусловил ошибки московского генеалога Воскресенской летописи, который пишет о Галицких князьях, порою спутывая их с Северскими [ПСРЛ, т. 7, с.232], не имея для сверки, кроме летописных выписок, родословных перечней черниговских князей – уже изъятых из первоисточника Оболенскими.

В протографе - с летописью 1470-х гг., еще новгородской, находился Родословец, из которого редактором Л72Я была, вместо переписывания,

банально вынута глава с черниговским родословием, конспективно переданная в Уваровском списке и в Синодальном списке Типографской летописи. Добытчиками и «перлюстраторами» новгородской рукописи, использованной в суздальском летописании, вероятнее всего, были воевода Иван-Стрига и его брат Ярослав Васильевичи Оболенские – московские завоеватели Новгорода в 1477 г… Оставшийся же текст был использован сводчиком великокняжеской летописи – Московской, отдавшей свои материалы Воскресенской летописи XVI века, сохранив в ее родословце данные о княгине Владимира Ярославича, но утратив сведения о князьях Черниговских.

Новгородский первоисточник пользовался рукописью 1-й части НКЛ, еще отдельной от НКЛ-2, найдя ошибку и внеся в перечень князей уточняющую ремарку, о том, что Владимир Новгородский погребен со своей княгиней. И в 1470-х гг. – о том, что «подпись» гроба княгини археп.Ефимием, сообщаемая НПЛ (М), была ошибочна, что с Владимиром Ярославичем лежит его подруга, а не Ирина Шведская, себе вполне представляли! Лишь ликвидация Новгородского государства вел.князем Московским Иваном III, депортация из Новгородской земли ее патрициата, проведенная в 1480-х гг., лишила это известие широкого слоя местных своих носителей; и когда оставшиеся (от разграбления московскими завоевателями) манускрипты архиерейского архива в 1490-х гг. копировались (откуда объединенный список НКЛ), была переписана рукопись неисправная, содержавшая ошибочную идентификацию.

Высказывается гипотеза, будто запись в Новгородской Карамзинской летописи подразумевала 1-ю жену Ярослава Мудрого [Гинзбург, с.64]. Это так же невозможно. Известно о ней лишь из рассказа Титмара Мерзебургского ["Православная Энциклопедия", т. 2-й, с.452], согласно оному, она была захвачена в Киеве Болеславом Храбрым в 1018 году, государыня д.б. разделить судьбу иных женщин Ярославовой семьи, плененных и уведенных в Польшу. Это и опровергает гипотезу, о принадлежности ей женских мощей из гробницы Софии Новгородской. Она не могла быть матерью Владимира Ярославича: новгородские летописи относят его рождение ко времени после женитьбы вел.князя на Ингигерде! Возвращение из плена на Русь этой дамы - не юной уже при пленении, вряд ли рожденной позже 990 г., в отличье от юной новгородской покойницы, спустя 25 лет, сомнительно и само по себе (кроме того, что о нем ничего и не сообщается). Нечего ей было делать при дворе пасынка-престолонаследника, а главное - незачем было новгородцам хоронить прославившего их княжича вместе с безвестной (вряд ли любезной вел.князю и его новой княгине) мачехой, задним числом перенося ее прах в отстроенный его волею собор.



(Из книги Г.Ф.Корзухиной «Клады Русской земли»)

Можно понять, как звучала фраза в первоисточнике фрагмента Карамзинской летописи - в летописании потомков Владимира Новгородского, отраженном в источнике Л72Я и Эрмитажного списка: "*умре княгини Володимиря, сноха Ярославля, месяца октября 5 день, в лето, егда нача здати святую Софию*". Эта летопись, по-видимому, еще существовала в XIX в., и ее видел Михаил Дмитриевич Хмыров, внимательно пересмотревший доступные в 1860-х гг. русскому читателю летописи (в т.ч. неопубликованные). В его справочнике не мать, а жена Владимира Ярославича называется Анной [Хмыров М.Д. "Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских", кн. 1-я, СПб., 1871]. Другой список, копия которого, сделанная в 1490-х гг., известна нам, сослужил службу Евфимию и был также использован в Н4Л [Прохоров, с.158].

Редактура летописи не велась в связи с правкой по содержанию синодика или святцев - в тех персоны называются по имени, а не по семейному положению относительно мужчины, как имеет место в Карамзинской летописи и как упоминается Владимирова княгиня в иных летописных источниках. Исходно - речь шла о жене, о вел.княгине Новгородской [см. Милютенко, прим.43] - ПЕРВОЙ новгородской и петербургской святой, на иконах, в великолепном мирском одеянии, подносящей Богоматери модель Новгородской Софии. В энциклопедии "Христианство" [т. 1-й, 1993] мы нашли такое, обычно не сообщаемое сведение, что тогда (когда выходил Словарь Брокгауза, по материалам которого сводилась эта энциклопедия) 1-й новгородские еп.Иоаким Корсунянин почитался 04 октября и 10 февраля. Быть

может, видя эти даты, согласуемые с днями памяти Владимира Ярославича и Ингигерды (Ирины) - его матери, редактор решил, что почитаемая 04 октября Анна это Ирина в монашестве, не подозревая, что Владимир умер на дату памяти Анны-супруги, и речь 04.10 велась о другой женщине?

3.Воспо-minna-ние

В нашей стране публичные дома называются "домами отдыха". (Н.С.Хрущев)

Предстоящими Богу, в окружении преподобных новгородских архиепископов, князя Владимира и княгиню Анну мы видим молодыми людьми (икона "Собор Новгородских святых") [см. http://pravicon.com/image-4836], и по изображениям не сложно понять, что это Владимир Ярославич с молодой женой, а вовсе не Владимир Святославич со снохой (прожившие лет по 60).

Анну изображали с очень широкой нижней частью лица - действительно, видной на ее черепе (в отличье от узкого лица 'Анны-матери', реальной Ирины Шведской) [см. КСИИМК, вып. 7-й, рис. 17 а) и б)]. Живописцы державного XVIII века не могли "снять" эту черту с существовавших её икон, где лицо Анны изображается обобщенно, это - следование какой-то древней, реалистической изобразительной традиции, ценившей круглые, белые-румяные женские лица (как у молодой императрицы Александры Федоровны) - далекие от узколицего шведского типа, хранимого киевским черепом Ингигерды.

Пишут княгиню, в т.ч. рядом с молодым князем, молодой – вопреки баснописи ее «жития», и данный иконописный тип был создан еще в те далекие времена (когда не было методов антропологической реконструкции), когда останки Анны, уже осмотренные при вскрытии ее гробницы, оставались не истлевшими и не ссохшимися, как ныне. Иконописцы - в отличии от агиографов и летописцев - не были столь упорными фальсификаторами истории, они хранили древнерусскую традицию, зачастую, исчезавшую, истиравшуюся в текстовой записи.

Вписано новое именование родственницы Владимира Ярославича, якобы, его матери, было в летопись церковную - вместо другой княгини, подруги его, родоначальницы Галицких князей, чье имя и дата остались в существующих святцах (память 04 октября), но чья ЛИЧНОСТЬ доныне ИСТИРАЕТСЯ из лицемерной православной "агиографии", так же, как некогда из летописей. Судя по изложению событий гибели первой Софийской новгородской церкви, ошибочные статьи протографов Карамзинской летописи

проходили редактуру около 1300 г. - позже создания I части Синодального списка Новгородской летописи [см. Янин, с.129 дал.], и, во всяком случае, не ранее 1170-х - не прежде создания грандиозной (что показали раскопки ее фундаментов) Борисоглебской церкви. Вымысел справщиков раскрывается не только исследованиями антропологов, но и манускриптами, сохранившимися доныне.

Внесенный в Воскресенскую - официальную московскую летопись эпохи ВасилияIII и ИванаIV родословец, образуемый не пересказами родовых преданий но выписками из летописных статей (в т.ч. утраченных летописей), составлявшийся для официального "издания" Государева родословца 1555 года, вполне определенно указал, что Владимир Ярославич был погребен в гробнице паперти кафедрального собора Новгорода, "*...там же и княгиня его*" [ПСРЛ, т. 7, с.232]. С женой, а не с матерью (мачехой)!

Ниже указания, летописцем-историографом была засвидетельствована великолепная осведомленность. Он назвал первенцев Игоря Святославича (переписчиком черниговского источника ошибочно отнесенных потомству Всеволода Ольговича) и Ярославны Новгород-Северских - Владимира и Олега, как нареченных в честь Галицких княжичей, сыновей Ярослава Осмомысла (в конспективном изложении вписанного в летописные кодексы родословца это звучит не очень четко: http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161819#?page=244). Эта интимная подробность - механически скопированная хронистом, ссылающимся на "*написанное*", выдает наличие перед глазами хрониста выписок из северской редакции галицких источников, вероятно, долее иных сохранявшей летописание потомков Владимира Ярославича (не по ним ли сверял карамзинские статьи макарьевский новгородский хронист?).

Приписывается учреждение культа инокини Анны-Ирины археп.Ефимию Новгородскому [http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_6613/]. Но вот всё, что сказано об этом в НПЛ(М), а также в Н4Л и Н5Л: "*Того же л?та архиепископъ Еуфимии позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое л?то м?сяца октября въ 4*" [т. 3, с.421 (в Н5Л дата перенесена на 03.10: образованный редактор вспомнил о битве 1078 г. на Нежтиной Ниве)]. Не густо! Ни отождествления Анны с матерью, ни самого понятия, ЧЕЙ собственно гроб Ефимий определял, как гроб «материнский» (возможно, желая владеть большим, нежели имеет реально), нет. Мы видим лишь то, что деревянные гробы (согласно описям Софийского собора, замененные каменными лишь после 1617 г.) были до 1439 г. без золочения и без подписей. В 1430-х гг. в Великороссии уже обращались списки Ипатьевской летописи, дата смерти Ирины Шведской уже внесена была в Софийскую летопись (старшей редакции). Так что сомневаться в осведомленности владыки, располагавшего протографом Карамзинской рукописи (НКЛ-1 не пополнялась последние два века по иным известным летописям, кроме НПЛ-М) [см. Прохоров, с. 185-237] - не только о годовщине, но и о дате памяти покойницы, не приходится. Он не мог по ошибке соединить дату 04-05 октября с февральской датой 1050 г..

Киев, конечно, в то время был в руках Вел.Кн.Литовского - соперника Новгорода, не менее упорного, нежели Москва, донедавно языческого. Но, вероятней, традиция фальсификации личности новгородской покойницы началась еще прежде Ефимия, надписание гроба в 1439 г. совершалось уже сообразно ей.

Логика РПЦ - распространяющей лжесвятцы ныне, не столь сложна, как у чванливых византийских попов, она исчерпывается той мещанской стяжательской моралью - возведенным в Абсолют личным эгоизмом, что безупречно была изложена бывшим руководителем армейско-жандармского

отдела МП (почему-то приписанная им атеистам): "*Глава патриаршей комиссии РПЦ по делам семьи, материнства и детства протоиерей Димитрий Смирнов заявил, что все атеисты должны покончить жизнь самоубийством. По его словам, это должно произойти, поскольку жизнь атеиста не имеет смысла. Заявление Смирнова, известного своими эпатажными высказываниями на самые разные темы, прозвучало в интервью изданию Лента.Ру: "Последовательный атеист должен покончить самоубийством, потому что нет смысла жить, учиться и бороться, если после смерти только лопух вырастет. Уж лучше сразу в гроб. Но этого же нет? Значит, атеисты это не настоящие. Боятся чего-то...*' [http://politsovet.ru/48824-glava-patriarshey-komissii-rpc-ateisty-dolzhny-pokonchit-s-soboy.html].

Поэтому манихейская - "православная" историография, обожающая морскую команду 'Спасайся, кто может!' - оказывается традиционно (как и историография советская) - враждебна гламуру. И она гораздо охотней прощает святому инцест (см. "Повесть об Андрее Критском") или неистовый разврат, не отягощенный рефлексией (житие Марии Египетской), или даже убийство сожительницы - с концами в воду (житие Якова-постника), нежели такой "грех" как биологическая любовь. Смысл этого чисто технический - давно открытый прием манипулирования сознанием людей, более годных на роль "паствы", будучи больными и бедными, нежели здоровыми. Как писал исследователь сектантов (к коим равно м.б. отнесены и ортодоксы) проф. Д.Г.Коновалов: "*Основою сектантской экстатической радости служит повышенная нервная возбудимость. Это свойство давно подмечено за нашими сектантами. В образовании и поддержании их нервозности участвуют сложные причины, напр., различного рода болезни, плохое питание, плохие органические условия жизни и т.п.. Немаловажную роль в этом случае у сектантов играет и их суровый аскетический режим, "сморение", "осаживание плоти постом", как они выражаются. Посты сектантов это самопроизвольное изнурение себя настоящим голодом. И неудивительно, если экстазы сектантов-постников, иногда, совершенно напоминают картину бреда от истощения*" ["Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве", цитируется по кн.: В.Вересаев "Аполлон и Дионис", 1924, с.58].

Привязанность к фактам сего мира - делает раба б-жия малопригодным делу построения конца света (= коммунизм), где не будет уже ни рода-отечества, ни семьи, ни служения, а все язЫки и знания упразднятся, где будет лишь работа био-автомата в "сельскохозяйственной коммуне", с пайком и промискуитетом в целях воспроизводства. (Кхмер Пол Пот – в действительности, ведущее лицо в «троице» созидателей «российской цивилизации»)... Но всё равно, то, как в нашем случае, упорно игнорируется великокняжеский родословец - подтвержденный археологически, внесенный в официальную (и очень качественную) летопись, основанную на летописях сродников Святослава Ольговича, князя Велико-Новгородского и Северско-Новгородского - Воскресенскую, просто поразительно!

Имя Анны - "*жене Ярослава Владимировича, матери Владимира Ярославича*" начинают вменять лишь с 1556 года ["Некрополь Новгородского Софийского собора", 1988, с.138], когда место временщика при тяжко переболевшем в 1553 г. царе Иване Васильевиче занял новгородский поп Сильвестр - духовный буржуа (редактор «Домостроя»), сильно склонный при этом к какой-то экстатической (хлыстовской?) ереси. Софийские описи усвоили имя Анны и "должность" ее с 1600-х гг. [там же, с.с. 135-136], тогда же с женой Владимира Новгородского - попытались отождествить лежащую в некрополе собора княгиню Александру [там же, с.140]. И не будь "празднования 1000-летия крещения Руси", востребовавшего в атеистической номенклатуре и пропустившего в печать некоторое число критических

публикаций об мифологии РПЦ, возможно, эта проблема ВООБЩЕ не была б названа в постгубельмановской литературе!

Дореволюционные источники были несколько разнообразнее. Об источнике М.Д.Хмырова, уникальная библиотека которого к сожалению досталась ГИМ`у лишь частично, а частично разошлась с молотка, мы уже говорили. Ниже, будет рассказано о знакомстве с Тмутороканской (Галицкой) летописью создателя знаменитого «Китежского Летописца». "Книга, глаголамая о Российских святых..." - каталог местно чтимых святых, составленный в сер. XVII века, зная имя новгородской покойницы и не сомневаясь в ее одностепенном семейном положении с князем, погребенным рядом, удостоверяя и корректируя современные святочные календаври, также называет патроним Владимировой княгини - подруги победителя греков: св.благоверной (не преподобной!) княгини Анны, жены, а не матери Новгородского князя [Ф.И.Буслаев "О литературе...", 1990, с.267].

Так же зовется подружие строителя собора иконами и граффити Софии Новгородской. Это же имя стоит и в современных святцах, правда, числя под 04 октября память Владимира и Анны - его псевдоматери и псевдомонахини. Древних её икон не сохранилось. Но ее румяный, вовсе не монашеский лик можно увидеть на существующих иконах, в старшем их изводе - по-прежнему наблюдая её в пурпурном княжеском плаще, совершенно мирском одеянии, том самом, в котором оказалась княгиня и похоронена, открытом в ее гробнице, приличествующем государыне-мирянке.

Едва 30-летний Владимир Ярославич скончается в канун дня памяти подруги 04.10.1051 года [ПСРЛ, т. 3, с.181; т. 6(1), с.181; т. 42, с.65], погребенный с нею - перенесенной в воздвигнутую им гробницу, клавшуюся синхронно строительству собора ["Некрополь Новгородского Софийского собора", с.124], - и начавший поминаться совместно этим днём. В отличье от Христа, он не полагал правильным вырывать себе глаза или мозг (память). Но вторично он - престолонаследник Руси так и не женился.

Это случай, для молодого русского князя - должного отрицаться плотской страсти, женясь для ограничивания, упорядочивания секса (православными уставами лишь терпимого, потому регламентируемого не хуже, чем в Талмуде!) - удивительный, редкостный, далее, вплоть до персоны Святослава Юрьевского (муж Авдотьи Давидовны\Петровны Муромской) в XIII веке...

Романтическая гипотеза кончины Владимира Ярославича находит косвенное подтверждение. Дорогая, тончавшая бисерная вышивка и серебряная чеканка шейной повязки княгини [Корзухина, с.52, рис.8] – сохраненной в новгородской гробнице, но погубленной при варварской реставрации в столичных мастерских Грабаря, различима только в упор. Она чеканилась для услаждения очей друга - целовавшего не лишь в уста, но и в перси, упокоившись на хозяйке, ждущей встречу с милым.

Мы предполагаем центрально-европейское происхождение Анны (о чем ниже). Тогда - возможно, глаголическая рукопись Толковых Пророков, переложение которой на кириллицу поручено было князем Владимиром Большим попу Упырю Лихому (о труде которого известно из механически копировавшейся в позднейших списках писцовой приписки протографа 1047 г.), принадлежала ей. Это было воспо-minna-ние о ней.

4.Вождение Славой

В сознании современников - хотя стандартизованная киевская летопись монахов-византийцев, якобы "русская", ничего не сообщает об этом - дата памяти ктиторов Новгородской Софии, забытых официозной историографией, была священной, что видно по мелким оговоркам хронистов.

Воскресенская летопись, включив черновик 1530-х гг. Государева Родословца (сведен в 1555 году), излагая родословие великих и удельных князей, называет двоих сыновей Владимира Ярославича и его княгини: Ростислава и Ярополка, - хотя скончается Ярославич удельным князем, дети же его быстро сделаются князьями-изгоями, и о деяниях Ярополка Владимировича ничего неизвестно из летописей, а умер он видимо бездетным, не оставив памяти в родословиях. Эта же летопись, назвав Володаря и Василько Ростиславичей, дипломатично "пропускает" третьего внука Владимира и Анны - Рюрика Ростиславича [ПСРЛ, т. 7, с.232], хорошо, но скандально известного, запятнавшего себя организацией убийства Ярополка Изяславича - преступлением, современниками уподоблявшимся убийству Бориса и Глеба.

Эти особенности воскресенского родословия будут воспроизведены в царском родословце (княгинь, увы, опускавшем), впоследствии опубликованном как "Бархатная книга" [1787, ч. 1-я, с.18]. Надо иметь это в виду: по источнику «Бархатной книги» - 05 октября память Анны Новгородской, жены Ярославича.

Следующую дату нам напомнил редактор Новгородской V (Хронографической) летописи начала XVI века, сместив установленную в 1439 г. археп.Ефимием дату почитания Владимира Ярославича и его княгини на 03 октября…

В лето 6587-е князья-изгои Олег Черниговский и Борис Смоленский, пополнив дружину половецкими наемниками, выступили из Тмуторокани -

добывать свои отчины, отнятые дядьями после гибели на операционном столе Святослава Ярославича ("залеченного" при удалении желвака), двинувшись гнать узурпатора Всеволода из Чернигова, а «византийца» Владимира Всеволодовича (Мономаха) - из Смоленска.

Полки сошлись на Сожице, и Всеволод Ярославич был разгромлен наголову. Здесь погибли Всеволодов воевода Иван Жирославич и бояре Тукы, брат вышгородского боярина Чудина, и Порей - бывший воевода Ростислава Владимировича [ПСРЛ, т. 2, с.191]. Их служба теперь, знатных новгородских бояр, тмутороканским князьям-изгоям Борису Вячеславичу и Ольгу Гориславичу открывается ремаркой Софийской летописи (Младшего извода): "*...ту же и воеводы его побиша, привели бо бяше половцевъ на Русскую землю*" [там же, т. 39, с.53].

Чернигов уже перешел на сторону своего законного князя – сына Святослава Ярославича Черниговского. Но вел.кн. всея Руси Изяслав "*повеле собирать вои от мала до велика, и бысть вои без числа*" [там же, т. 2, с.192], и привел из столицы войско в помощь мл.брату - против племянников, вмешавшись в феодальную войну.

Бесчисленные киевские, переяславские, туровские и смоленские полки Изяслава с Ярополком и Святополком Изяславичами, Всеволода с Владимиром Всеволодовичем, подступили к Чернигову, хотя взять крепость столицы Святославичей не смогли, завладев лишь посадом.

Но наступило 03 октября 1078 года - канун дня памяти Новгородских князей.

Враги встретились на Нежатиной Ниве, у современного Нежина; умудренный Олег говорил тогда Борису, что силы узурпаторов превысили изгойское войско вчетверо, что не стоит горячиться, что надо завязывать мирные переговоры. Но Смоленский княжич гордо ответил: "*Ты смотри <только, а> я всем <им встаю> против!*" [там же] - и начал бой, о котором повествует "Слово о полку Игореве": "*Бориса же Вячеславича - Слава на судъ приведе, и на Канину <ниву> зелену паполому (латинизм: пеплум) постла, за обиду Ольгову, млада храбра князя*", - поддержанный в этой безнадежной битве полками Олега. Мировоззрение Средневекового общества - не полагает неправым героя, поднявшего оружие за свою честь, жертвуя собой и соратниками в безнадежном положении (европейская мораль без колебаний

встала на сторону Роланда: обиженного, что вместо предводительства триумфом, коего ждали франки, он был поставлен в арьергард, и отказавшегося призывать на помощь дядюшку-оскорбителя, совершив воинское преступление)! На Канином поле тогда пали Борис Вячеславич, а затем и покровитель врага - вел.князь всея Руси Изяслав Ярославич.

Полагаем, в «Слове…» здесь делается скрытая отсылка к летописи Владимира и Анны. Автор великой песни (весьма критичный к крестителю Руси - Владимиру Малому, примериваясь, насколько возможно было распять его на Киевских горах…) знал их историю, он хорошо знаком с исчезнувшей ныне Галицко-Тмутороканской летописью - протографом Карамзинской либо зависимой от нее Софийской. Только здесь, как и в "Слове о полку Игореве", местом погребения Изяслава назван, вместо родовой усыпальницы, Софийский собор [там же, т. 42, с.98]. Судя по результатам раскопок, в XVII - XIX веках ведшихся на руинах Десятинной церкви, это было справедливо: в развалинах были обнаружены пара супружеских саркофагов, видимо, Владимира Святославича и его жены, и женский – Ольгин(?) саркофаг, а погребение Изяслава отсутствовало (вдова Изяслава – сестра Казимира Польского, мужа Добронеги Владимировны, умерла на родине в 1080-х гг.).

Киевский инок-летописец, известный нам своим текстом из списков Ипатьевской и Суздальской летописей, писал в том же XII веке, что и автор воинской повести, но не имея представлений о предмете воинского повествования века XI, не удосужившись выйти из монастыря, заглянуть в Десятинную церковь и проверить сказанное…

Писания Софийской I летописи указывают на механичность объединения под эпохой 1040-х гг. как минимум двух независимых источников. Исчислив три похода Ярослава Мудрого в Мазовию, как ни в чем

не бывало, летописец перечисляет четыре таковых: "*В лето 6549. Иде князь Ярославъ на мазовшане въ лодияхъ*" [там же, т. 6 (1), с.178]. "*...В лето 6551. ...Тое же осени дасть вел.кн.Ярослав сестру свою за Казимера. И в та лета обидяаше Моислав Казимира. И ходи Ярослав дважды на мазившане в лодияхъ, и рече Казимиру: Ели отец твой Болеславъ, победивъ мене и полонилъ люди моя за ся - тогда ими за вено! И собра Казимиръ людие его русских, полоненыхъ 800, кроме <не считая> жен и детей, и вда за вено Ярославлю, шурину своему. Сей же Казимиръ вда сестру свою за Изяслава, сына Ярославля*" [там же, с.179]. "*...В лето 6555. Иде Ярослав третье на мозовшаны, и победи я, и князя их уби Моислава, и покоре землю ту Казимиру*" [там же, с. 180].

Значение этим походам вменено, т.к. на Русь тогда вернулись пленники, угнанные Болеславом Храбрым, включая сестру Ярослава - Предславу Владимировну. Предполагается иногда, что с ними вернулась и первая жена Ярослава, мать Владимира Ярославича. Но этому противоречит возраст Владимира Ярославича - явно рожденного Ириной Шведской, а предполагаемый возраст 1-й жены князя, должной не сильно уступать годами Ярославу, делает сомнительной гипотезу, о ее возвращении на Русь.

Новгородская IV летопись, имея сходное происхождение, пропускает поход лета 6549-го, называя остальные, точно согласуясь с названным ею числом походов [там же, т. 4, с. 115-116]. Карамзинская I летопись пишет только последний поход, но, подобно Софийской, называет его третьим: "*В лето 6555. Иде Ярослав третье на мозовшаны, и победи я, и князя их уби Моислава, и покоре землю ту Казимиру...*" [там же, т. 42, с.64]. Иными словами, ею использовался источник, подобный использованному Софийскою.

И статья лета 6549-го открывает нам существование дополнительного - неизвестного источника, похожего на Повесть Временных лет [ср.: там же, т. 1, с.154; т. 2, с.142 (ср.: т. 41, с.55)], здесь процитированного в Софийской I летописи. Здесь НКЛ(1) и С1Л, рассказав о разгроме Мазовии, сообщают, что благодарный Казимир вернул Ярославу пленников, некогда угнанных из Киева Болеславом Храбрым: 800 человек. Во вторичных текстах киевского летописания – НПЛ (Киевский свод 1094 г.) и ПВЛ (1115 г.) точное число не названо. Эрмитажный список великокняжеского летописания ошибочно пишет «*50 сотен*», в Воскресенской летописи исправленное на правильные «*осьмьсот*».

Но не из летописного ли первоисточника Владимира Ярославича было заимствовано некогда это анекдотическое число (в те века обозначавшееся буквами) - неровно распределенное по дворцам в Берестове, Вышгороде и Белгороде, названное в скабрезном рассказе о наложницах Владимира Святого, сочиненном византийскими беллетристами и внесенном в Киевскую летопись, ныне часто цитируемом нео-язычниками? Вымысел его очевиден: Берестово, где, якобы, Владимир держит дворец с наложницами, было киевской вотчиной ревнивой княгини Рогнеды - ее частной собственностью, перешедшей по наследству дочери Предславе. Второй дворец, в Вышгороде, помещен летописцем в домен Ольги, княгини-христианки, надо полагать, наследовавшийся ее христианскими родственниками. Пример сарацинских султанов показывает, что у любвеобильного отца от сотен женщин должны родиться сотни наследников, а не лишь двенадцать (из коих 8 от трех любимых подруг). Нет оснований, верить, будто "список" Владимира Святославича сильно превышал тех 5 женщин-иностранок - вступавших в династические браки, что исчислены поименно, как матери княжичей. Не шаблонные (не библейские) средневековые тексты – писавшиеся сплошняком, с сокращениями и титлами, читать трудно, и византийский архиерей, плохо владевший русским языком, ненавидящий варваров за взятия Корсуни, прочтя сообщение об уводе Болеславом в плен сестер и жены Ярослава, вполне мог понять новеллу, в том

смысле, будто Казимир освободил 800 наложниц Владимира Святославича. В руках у него была Тмутороканская летопись…

Источник НКЛ-1 явственно хранит следы переделки: Мазовия находится в глубине материка, водоразделом отделяемая от Руси. В лодьях ходил Ярослав не на Мазовию, а на иного врага, жившего при море. Из летописей изымались рассказы о походах киевских дружин на греков, на берега Понтийского моря.

5.Первая великорусская святая

Греци есть льстивы и до сего дни... (летопись)

Мы не знаем имени киевского графика - 975 лет назад реалистически запечатлевшего их свадьбу. Знаем лишь его труд, снимок с подлинной - не измышленной в манихеейских монашеских лупанариях - Русской жизни, оставленный на сырой штукатурке Золотых Ворот, с той поры хранящей сцену летнего празднования 1038 года. Не пытайтесь объявлять его порнографией! Ворота - с надвратной Благовещенской церковью (освящена 25 марта ст.стиля 1040 г.) - сохранили его в неприкосновенности, запечатлев языческое таинство, творимое общепрославлеными христианскими святыми...

В 1035 г. умер соперник Киевского и Ладожского кагана Ярослава, князь Черниговский и Тмутороканский Мстислав [там же, т. 42, с.63], единственный (до 1185 г.) из Владимировичей, крещеный именем Константина; - тот самый, что некогда "*зарезал Редедю, пред полками касожскими*" ("Слово..."). Крещеное имя князя, рожденного чешской женой Владимира Святославича, не обращалось среди потомков Рогнеды, вплоть до рождения первого сына у Всеволода Бол.Гнездо - сына гречанки, чуждого славянским традициям родового владения именами. Рукотворным памятником князю Мстиславу стал Спасо-Преображенский собор Чернигова, воздвигнутый им, а нерукотворным - дворянские роды Чевкиных и Колтовских (давший Руси в XVI в. царицу Анну Колтовскую), идущие от плененной им вдовы касожского князя Редеги (Редеди).

Отныне Ярослав Мудрый делается государем всея Руси, переезжая из Ладоги в граничащий с Мстиславовым уделом Киев, сажая в престолонаследническом Ладожском уделе своего заместителя - старшего сына Владимира, князя Новгородского и родоначальника Галицко-Волынских князей.

В следующем году Русь захватывают перемены внешнеполитические. Греки тогда ликвидируют национальное Охридское архиепископство (с патриаршими правами) - бывшее материнским по отношению к Русской кафедре. Последняя эпоха обнаруживаема и в именах сыновей святого Владимира и Анны Порфирогениты, и в конструкции кафедральной Десятинной церкви: закладывавшейся как византийский крестово-купольный храм, но выстроенной уже как болгарская купольная базилика. Происхождение Ольги из Пльскова Болгарского сокрыто в истории (краткое глаголическое житие XII в. ничего не говорит о ее родине, а летописи связывают ее деятельность с Пльсковом Чудским, в 907 г., по археологическим данным, едва ли уже существовавшим); сохранилась лишь частная летопись, говорящая об этом [М.Н.Тихомиров "Русское летописание", М., 1979, с.185]. Община болгарских политэмигрантов обнаруживается в Киеве XI века. Потомки вещего царевича Бояна (Вениамина) Симеоновича, поэта и волхва, хранившие в роду языческое имя и поэтическое ремесло как родовое ремесло, оставили память, как на страницах "Слова..." (сказавшего о певце Мстислава, Ярослава, Олега Черниговского), так и упоминанием о Бояновой вотчине, чью землю за колоссальную сумму купила в 1080-х княгиня Всеволода Ярославича. Граффито, свидетельствующее сделку, было начертано в Софии Киевской, запечатлев болгарские имена свидетелей сделки с продающей стороны [см. А.Л.Никитин "Испытание "Словом"\ «Новый мир», ? 5-7, 1984]...

В тот же 1035 год печенеги - федераты константинопольского царя, преодолев оборонительную линию Змиевых Валов, всею ордой устремляются на Киев. Византийская разведка сработала хорошо: поход кочевников застал вел.князя Руси на другом конце державы, в Ладожском уделе, вместе с женой-шведкой, способной подменять мужа во главе войск. ...Этот профессиональный навык княгинь - по средневековым нормам, и номинально являвшихся 2-ми лицами иерархии вооруженных сил княжества, - вероятно, привносивший в отношения с ними особую острую пикантность - посему старательно скрыт гиноборческим православным монашеством, писавшим жития и летописи, выдается, однако, мелочами. По Переяславской летописи 1128 г. - передавшей эту новеллу Суздальской по Лаврентьевскому и Радзивилловскому и Киевской по Уваровскому и Эрмитажному спискам летописи, в 987 г., когда св.Владимир, думая казнить большую (старшую женщину семьи) Рогнеду, приказал подруге облачиться в свадебное одеяние (деталь, лишний раз выдавшая вымысел рассказа о ритуальном изнасиловании Рогнеды в 978 г.: свадьба с нею была Владимиром сыграна по всем языческим правилам), в светёлке продолжал храниться меч, хотя, объявление малолетним Изяславом о вендетте отцу, оказалось тому - после сего остывшему - неожиданным... Князь, видимо, полагал, что меч в руки возьмет сама Рогнеда (смерть на юридически обставленном поединке не влекла кровнических счетов). В 1406 г., скрученная и отнесенная холопами св.Юрия Смоленского на ложе, насилуемая сюзереном, св.Ульяна Вяземская ударила Юрия Святославича ножом под мышку, так хорошо, что обезумевший от боли князь выхватил саблю и изрубил её в куски, а сам через год умер от последствий ранения. В 1382 г. отъезд (похожий на бегство) из столицы, вслед за Дмитрием Донским, и его княгини - урожденной княжны греко-христианизированного Суздальского княжества св.Евдокии Дмитриевны, вызвал бунт посада Москвы (оказавшейся, как обнаружилось вскоре, без какого-либо командования и управления, и лжесвидетельства братьев вел.княгини, пришедших с Тохтамышем, оказалось достаточно, чтоб принявший командование литовский послужилец Остей согласился сдать Москву татарам). Таким же бунтом москвичей сопровождался отъезд в

Белоозеро в 1480 г. Софьи Палеолог. Известный побег в 1186 из плена князя Игоря - после половецкого набега на потерявшее все свои кадровые войска Северское княжество - застает Ярославну Новгород-Северскую, урожденную княжну Галичины, на валах Путивля: командного пункта пограничной линии Черниговской земли, вынесенного далеко в степь, единственного, снабженного на Северщине каменным замком.

Заподозрен Ярославом Мудрым в шпионаже в пользу Византийской империи был Судислав Владимирович. Кесарь схватил единокровного брата, бросив в темницу, где Псковский князь Судислав просидит 24 года, освобожденный лишь наследовавшими Русь племянниками.

Спешно собрав ободритские и новгородские войска своих родовых уделов, взяв германскую дружину супруги, вел.князь устремился к Киеву. Здесь, в битве под стенами русской столицы, евразийские варвары будут разгромлены. Справляя триумф, Русский император ставит на месте победы величайший собор Руси: Софийский. Вместе с ним, заложены были и патрональные церкви свв. Георгия и Ирины, и новая линия киевских укреплений, с парадной проездной башней: Золотыми Воротами с надвратной Благовещенской церковью (престольный праздник 25 марта).

Холодная война с евроазиатской Греческой империей, после свержения Македонской династии, в 1042 г. становится горячей.

Кроме рассказа о неудачном походе на Царьград в 1043 г., о ней осталось очень мало известий, изымавшихся из историографии православными византийскими цензорами. "...*Пакы на весну посла Ярослав сына своего Володимера на греки*..." [ПСРЛ, т. 6 (вып. 1-й), с.178; т. 42, с.64] - так начинается рассказ общерусского летописания по Карамзинскому списку откуда новелла вошла в митрополичью Софийскую летопись (списки, начиная с 1470-х гг.), - этим вводом ("*пакы*") выдавая след цензуры, изъятия части повествования из первоисточника. Так обнаруживается шов на грани лакуны, выдававшей первоисточник сообщения "*Иде князь Ярославъ на мазовшане въ лодияхъ*". Об этих лакунах казенной российской историографии, писавшейся безродными ураноплитами - византийскими "иностранными агентами", властвовавшими в Сарае и Москве и скрывавшими подлинное отношение Руси к грекам, рассказывает статья Веры Брюсовой [http://www.krotov.info/library/02_b/ru/sova.html].

Полагаем, поход "*на мазовшане*", названный летописью, был в действительности, походом не на ляшское племя, а на греков, живших не в глубине континента, а на берегах Понта. Но филэллин "исправил" неприятное ему чтение, анахронистически превратив религиозных господ во врагов-папежников. Прочие походы на греков - совершенные уже после разгрома мазовшан, убийства их князя Моислава, и видимо, не столь неудачные, как поход 1043 г., были попросту из хроники выброшены. Почему и сохранилась хроника потомков Владимира Новгородского лишь в отрывках, вошедших в общерусское летописание! Пресекается их княжение - уже в XIII веке, на сыне Владимира Ярославича Галицкого (тот самый, герой оперы "Князь Игорь"!), оклеветанного Волынской летописью узурпаторов Галицкого венца - князей-Мономаховичей, а вслед за нею, и литератором XIX века - русским французом, либреттистом "Князя Игоря" Владимиром Стасовым.

Ведущими участниками войны с Римским царством были не "украинцы" (термин используется по современной политической принадлежности Киева), но новгородцы - во главе со своим удельным князем Владимиром Большим, вторично, после 989 г., взявшие Корсунь, привезя крымские реликвии в Великий Новгород.

Напряженность противостояния с греками выдается новеллой лета 6552-го, самим тоном греческих (по крайней мере, по духу) монахов, писавших об этом в Новгороде и в Киеве: "*Погребена быста два князя, сына Святославля: Ярополк и Олег; и крестиша кости ею*" [ПСРЛ, т. 3, с.16]; "*выгребоша двух князей - Олега и Ярополка, сыновей Святослава, и крестиша кости их, и положиша в церкви Св.Богородицы*" [там же, т. 42, с.64 (это же: т. 1, с.156)]. При жизни враги - язычник Олег (возможно, впрочем, крещеный ибо сын его звался Иваном), погребенный под Коростенем, и его убийца, крещеный латинянами Ярополк, некогда зарытый в киевскую землю язычником Владимиром Равноапостольным, одинаково определяемые византийцами - как горящие в аду нехристи, были извлечены из земли, посмертно крещены (не признавая ортодоксальное крещение X века, проведенное над Ярополком) и упокоены в родовой усыпальнице Рюриковичей.

По греко-христианским законам (тогда не отличавшимся от латинских) это канонически абсурдное деяние, осквернявшее алтарь Ягве погребением останков нехристей, что и отразил тон статей. Объяснение было предложено Львом Гумилевым: часть Руси, державшая дороги в Сред.Азию, вошла тогда в подчинение митрополии Мерва - в XI в. остававшейся ортодоксальной, но независимой от Константинопольского архиепископа [Гумилев "Древ.Русь и Вел.степь", 2001, с.271], будучи на века старше его кафедры. Мерв, подобно прочим туркестанским городам, имел в т.в. внушительную христианскую общину, именно оттуда, как можно предположить, к 1100-м гг. пришли в Европу сюжетные линии "Повести о Тристане и Изольде" (в средневековых куртуазных редакциях весьма далекой от валлийско-шотландской фрикстерской сказки, сохранившейся параллельно средневековому роману), обобщенные Фахратдином Гургани в шутовском переводе 1040-х гг. ("Вис и Рамин"), с малопонятного пехлевийского диалекта, повести о потомках Маники Хорезмийской, далее механически воспроизводясь в Европе без понимания смысла эпизодов. Напр., абсурдное поведение дядюшки в источнике хорошо мотивировалось. В самом начале повести служанкой героини он был временно энвольтирован на немощь. В ту же ночь разыгралась гроза, на Мерв сошел сель и энвольтованная фигурка, зарытая в прибрежном песке, была смыта и погребена под массами грунта [Е.Э.Бертельс Труды, 1960, т. 1-й]…

Видимо, мысль об "осквернении" захваченной греческим духовенством в 1039 г. Богородичной соборной Десятинной церкви Киева - о перенесении в нее останков детей Святослава Великого, проклинаемого юдо-христианами, - т.е. сродников всего Рюрикова княжеского дома - принадлежала Анне…

Чем еще могла святая прогневить вральманов..?

6.История любви и Китежская Легенда

Скажет немец: Вы монголы, внуки Тамерлана,
Славных прадедов великих правнуки поганы... (Тарас Шевченко)

Далекий Таврический удел и далее будет видеться потомкам Владимира Новгородского своей отчиной.

В 1064 г. туда побежит князь-изгой Ростислав Владимирович с новгородскими боярами Пореем и Вышатой [ПСРЛ, т. 42, с.66], выгнав наместника Святослава Черниговского, Глеба, взимая теперь дань с касогов на себя [там же, т. 3, с.156], признавая Святославово старшинство, но отвергая его права на удел [там же, с.154]. Ростислав в 1067 г. будет отравлен здесь византийским гостем, котопаном Корсуни, привезшем на пир в Тмуторокань яд под ногтем, "*того же котопана побиша камением люде корсунстии, бе же Ростислав муж добр на рать, возрастом же леп и красен лицом, милостив убогим. Умре же в феврале в 3-й день, и тако положен бысть в церкви Св.Богородицы*" [там же, с.156].

Совершалось греками преступление - в интересах уд.кн.Всеволода Ярославича Переяславского, зятя КонстантинаIX, отца Владимира Мономаха, - как видно из сего, уже в 1060-х годах начавшего примерять великокняжескую шапку. Это выдает также акт "приватизации" имени Ростислава - редкостного среди потомков Изяслава и Святослава Ярославичей (обнаруживаясь лишь в XII в.), передававшегося в роду лишь потомками Владимира Ярославича. В 1069 году его вменяют младшему сыну Всеволода, как бы, стяжавшему великокняжеские права - законно пребывавшие в потомстве Владимира Большого.

Старшими среди потомства Ярослава Мудрого законно числились именно Галицкие князья, враги Македонской и Пафлагонской династий, потомки Владимира и Анны Новгородской! Это хорошо было известно на Руси, Рюриковичами сознавался их статус. Именно их фамилия - хранила родовое имя Рюрика, весь XI и 1-ю\2 XII века не используемое потомками остальных сыновей Ярослава Мудрого (лишь потом декларируемое Смоленскими князьями из ветви Мстислава Великого). Также было с именем Анны (видимо, протягиваясь к имени Анны Порфирогениты, жены Владимира Равноапостольного): Анной звали дочь Ярослава, это по-гречески церковное имя имела (возможно, обретя при сочетании) Анна Новгородская, оно же было вменено вменено в браке с Ростиславом принцессе Ланке, дочери Андраша Венгерского (к сожалению, женские имена в роду Владимира Большого далее известны крайне слабо). Но даже в кон. XII века такое отношение к Галицким князьям выдает торжественное обращение "Слова о полку Игореве" - устами Святослава III Киевского - к бесцветному и безвластному лично, но правнуку Новгородской четы: "*Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем Златокованом Столе, подпер горы Угорские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяя Киеву врата...*"

В 1080 г. Тмуторокань вновь захватывают новгородские князья-изгои - Володарь и Василько Ростиславичи, арестовав бояр хазарско-византийского ставленника Всеволода, но спустя три года выгнанные вернувшимся из византийского заточения Олегом Черниговским [там же, с.197]. Какие родовые права, какое влечение вело князей Чернигова и Галича, вместе с их боярами из Вел.Новгорода, туда, в Русь Таврическую? Летописи суздальских Мономаховичей разъяснений этого нам не сохранили.

Ровно ничего, как об этом и как о персоне Новгородской княгини, не сказано в сохраненных доныне летописях также и о взятии, вослед славному своему деду Владимиру Святославичу (989 г.) - также и Владимиром Ярославичем Новгородским в 1040-х гг. крымской крепости Корсунь, трофеи откуда украсили Софию Новгородскую. Хотя надпись в претории Корсуня, чьи ворота восстанавливались в сер. XI в. префектом, оставившим эту надпись (крепость не могла оставаться без ворот с 989 года), не оставляет здесь сомнений; свидетельствуется победа новгородцев и другими археологическими материалами [см. Брюсова, с.54 дал.].

Именно этой кампании принадлежат события "Сказания о киевских богатырях" - об их походе на царя Константина, якобы фантастическом (на самом деле, средневековые этикетные феодальные сцены, рисуемые сказанием, не могли быть реконструированы в России XVII века), и "Сказания о Холопьей войне" - известных лишь в списках XVII - XVIII веков (числом же свыше 100), хотя последнее упоминается, со ссылкою на русские летописи, уже С.Герберштейном (XV век) и Д.Горсеем (XVI век), и даже процитировано в персидской географической компиляцией 1126 года (изданной Новосельским). Где эти летописи?..

Летопись-источник, достоверно сообщавшая об Анне Новгородской, существовала в XVI веке, и она тогда использовалась: бояре благоверных государей Василия Ивановича и Ивана Васильевича (в отличие от греко-христианского епископата) обладали национально-русским самосознанием, чуждые безродного уранополитизма, православного чужебесия, - и уничтожили эту летопись гораздо позже - уже в Новое время(!), когда Русская история переписывается вновь. Ею, этой летописью - видимо, отличной от Воскресенской летописи (где имя жены Новгородского князя не названо) - пользовался М.Д.Хмыров. Ее след сохранила Степенная Книга, редактировавшаяся в 1560-х гг., к сожалению, лишенная абсолютных дат. В ней закладка Софии Новгородской, связуемая с деяниями Владимира Ярославича, относится к более раннему времени, нежели Софии Киевской [ПСРЛ, т. 21, с.170]. Объяснение простое: составители располагали неизвестной нам новгородской летописью, где была использована Римская (Антиохийская) эра, с Р.Х. в 5500 г. от Сотв.мира, вместо 5508-5509 гг. в константинопольских эрах (используемых в киевской летописи).

Галицкая летопись - сослужила источником величайшего памятника русской литературы: «Летописца града Китежа». Измерение Юрием Всеволодовичем расстояния между Великим и Малым Китежем, завершающее повесть о его строительной деятельности, - это сюжет, в средневековой русской литературе присутствующий лишь в одном источнике. Зимой 1068 г. черниговский князь Глеб Святославич, владетель Тмутороканского удела, по льду пролива измерил расстояние между своими владениями на Таманском и Крымском полуостровах – городами Тмуторокань и Керчь, его рассказ, высеченный на мраморной плите, учеными переоткрыт лишь в 1792 г., после отвоевания у турок.

Это обнаружил и доложил на Пятых Городецких чтениях нижегородский архивист И.В.Нестеров, рационально предположив, что создан «Летописец» в 1790-е годы: «*…кроме Тмутараканского камня, во всей средневековой русской литературе факт измерения расстояния между городами по приказанию князя упоминается только... в Китежском летописце. ...Анонимный создатель очень любил сдвигать реальные даты, зачастую с использованием круглых цифр. К примеру, на 50 лег по сравнению с текстуально близким фрагментом Костромского жития (75 вместо 25) был увеличен промежуток времени между татаро-монгольским вторжением и окончанием строительства Большого Китежа. События измерения расстояния между городами в текстах Тмутараканского камня и Китежского летописца отстоят друг от друга на 100 лет*» [http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/?id=2954].

Но, однако, д.и.н. А.В.Сиреновым в архиве Святейшего Правительствующего Синода был открыт список «Китежского Летописца», написанный еще в 1770-х годах, причем, копируя уже ветхий, малопонятный протограф [А.В.Сиренов «Путь к граду Китежу», 2003, с.186]. То есть, «…Летописец» должен оказаться произведением первооткрывателя Тмутороканского камня (до 1777 г. находившегося во власти турок), способного реставрировать и разобрать не церковный древнерусский текст. Это, разумеется, неубедительно, слог «Китежского Летописца» не обнаруживает этих знаний в его авторе. И гораздо вероятней, что в руках писателя была Галицкая летопись – тот протограф, из которого вносились в компиляцию Карамзинской летописи ее тмутороканские известия.

Где это имело место? Работая в Государственном архиве Горьковской области, нижегородский краевед И.А.Кирьянов обнаружил в журнале Казенной палаты за сентябрьскую треть 1780 г. сообщение, что село Владимирское, находящееся около озера Светлояр, переводится, по требованию из Казани, в Козьмодемьянский уезд Казанской губернии, и что в нем тогда проживал 101

однодворец. Однодворцами – именовались на Руси беспоместные дворяне, несшие военную службу на границе, за предоставление крестьянского земельного участка, обрабатываемого собственноручно (или однодворческими крестьянами). До эпохи Николая Павловича они номинально приравнивались к дворянам. В прошлом – здесь, на землях былого Городецкого (Суздальско-Нижегородского) княжества, жили защитники госграницы, среди которых воинские повести имели успех!

Кирьянов пишет: «*Летом 1959 года археологи-разведчики Горьковского музея-заповедника обнаружили в верховьях речки Ватомы, на самом краю огромных керженских болот старинное русское городище, окруженное мощным валом. ...Оно является остатком древней русской крепости, расположенной на берегу Ватомы около селения, называемого Городищи, всего в 20 километрах к северо-востоку от города Бор и, примерно, в 45–50 километрах по прямой от Светлояра. Крепость имеет кольцеобразную форму с одним входом. С востока ее прикрывает Ватома, а с юга – ручей Мосоловый. На территории крепости в старину была часовня, а потом церковь и кладбище. Периметр вала крепости около 350 метров, высота вала от 2 до 3 метров. Нашим исследованием было установлено, что крепостная стена имела форму городни – т. е. состояла из цепочки срубов, поставленных в стык и засыпанных внутри землей. Толщина стены составляла около 1,5 метров, а высота, судя по отвалам, образованным там, где стена сгнила, сначала – до 3,5–4 метров*» [http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/?id=2899].

Иначе говоря, крепость в Керженецких лесах, стоявшая возле Юрьевца и Городца Повольских, строилась и функционировала раньше XV века, до распространения огнестрельного оружия. И действительно: «*В пробном шурфе, заложенном внутри крепости, были найдены остатки сосудов XIV столетия и фрагмент сосуда, типа встречающихся при земляных работах в Казани – так называемой приказанской культуры. Местное население сохранило память о том, что здесь когда-то был жестокий бой с татарами. В подтверждение этому оно ссылается на большое количество человеческих костей, которые встречаются при земляных работах в районе крепости. От находок костей произошло, видимо, и название ручья – «Мосоловый» (от «мосол» – кость). Кроме общего для села и крепости названия «Городищи» сама крепость населением никак не называется – во всяком случае, окружающее население ее названия не помнит. Таким образом, обнаружение русской крепости в селе Городищи подтверждает основное положение народного предания о русской крепости в заволжских лесах – она действительно существовала. Рассказ местных жителей о бое с татарами, происходившем у ее стен, полностью увязывается с легендой о Китеже*» [там же].

Так подтвердились известия Казанского Летописца, утверждавшего русское прошлое Поволжского края, до нашествия в 1176 г., по смерти Андрея Боголюбского, варварского царя: "*И глаголютъ мнози нецы, преже место быти издавна гнездо змиево. Во всемъ жителе земля тоя знаемы, живяше ту, вгнездевся змии великъ, страшенъ, о двою главу, едину имея змиеву, а другую главу волову, единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядяше. А иныя змия около его лежаша, живяху съ нимъ всяцеми образы. Темъ же, не можаху человецы близъ места того миновати, свистания ради змиина и точения ихъ, но далече инемъ путемъ опъхожаху. Царь же, по многие дни зри места того, обходи и люби его; и не домышляшася, како извести змия того отъ гнезда своего, яко того ради будетъ градъ крепокъ и славенъ везде. Изыскався въ воехъ его сице въ волхвъ хитръ и рече царю: Азъ змия уморю и место очищу!*" [ПСРЛ, т. 19, с.11]. Он также подтвержден археологическими материалами [http://www.regnum.ru/news/polit/1701302.html]. "*Проиде царская слава, и честь, и величество зъ Болшия Орды и старыя матери ордамъ всемъ, на преокоянную дщерь, младую Казань*" [ПСРЛ, т. 19, с.20] - говорит повествователь. И золотоордынская "*преокаянная дщерь,*

младая Казань", ставшая на потерянных Русью землях, им противопоставляется - русскому Невидимому Граду, основанному (по древней редакции предания) покорителем Заволжья, кесарем Андреем Боголюбским. Это БЫЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, после утраты которой, после гибели создателя Невидимого Града, в видимом "*...воцарися во граде скверны царь, нечестия своего великимъ гневомъ наполнився, и распалашеся, яко огнь, въ ярости на христьяны, и разгарашеся яко огнь, пламенными усты устрашая, и похищая, и поглащая, яко овца, смиренныя люди Руския въ прилежащихъ в<е>сехъ, близъ живущая около Казани, изгна отъ нея Русь-тоземца, и три лета землю ту пусту положи. И наведе исъ Камы языкъ лютъ, поганъ, Болгарскую чернь, со князи ихъ и со стареишинами ихъ, и много ему сущу убо подобну суровствомъ, обычаемъ злымъ, песьимъ главамъ, - Самоедомъ. Наполни такими людми землю ту, еже Черимиса, зовемая Отяки, - тое жъ глаголютъ ростовскую чернь, забежавши тамо отъ крещения Русково въ Болгарскихъ жилищахъ и приложися хъ Казани. И Болгарския грады обладаютъся царемъ Казанскимъ. То бо бе преже - земля Болгарецъ малыхъ за Камою, промежъ великия реки Волги и Белыя Волжки, до Великия Орды Нагаиския. А большие Болгары на Дунае. Тутъ же былъ на Каме стары градъ, именемъ Бряховъ Болгарскии, ныне же градищо пусто, его же первое взя князь велики Андреи Юрьевичъ Владимерскии и, въ конечно запустение преда, а Болгаръ техъ подъ себя подкори; а Балыматы, отъ Болгаръ техъ яко 20 поприщъ, и далее, тотъ же князь великии повоева*" [там же, с.с. 12-13].

Здесь, в Нижегородской земле, в эпоху XV - XVIII веков в простонародной среде обращался список Новгородско-Галицийской летописи – летописи потомков Владимира Ярославича Новгородского, содержащий известия Тмутороканской земли времен Владимира Равноапостольного и Ярослава Мудрого, хранивший рассказ об ученых трудах Тмутороканского и Велико-Новгородского княжича Глеба Святославича - принявшего смерть в Новгородской земле от руки клевретов Мономашичей в 1078 г., когда Олег Черниговский и Борис Смоленский пошли на врагов, возвращать отторгнутые после убийства Святослава Ярославича (1076 г.) отчины [там же, т. 2, с.с. 190-196; т. 3, с.с. 19, 196-200].

"Монашество" Анны Новгородской, родоначальницы Галицкой династии, называемое "православными календарями", столь же мифическое, как и супружество ее с Ярославом Киевским, ибо ее мирской наряд, как на иконах, так и подлинный, открытый в новгородской гробнице ее и мужа - Владимира Ярославича, очевиден [Корзухина, с.52]. Но мифы распространяются - вопреки Царскому Родословцу - наряду с баснословными календарями и интернет-форумами, также и изданиями, вполне академическими по своим требованиям, напр., "Православной Энциклопедией" [т. 2-й, с.452], где справку писал д.и.н. А.В.Назаренко.

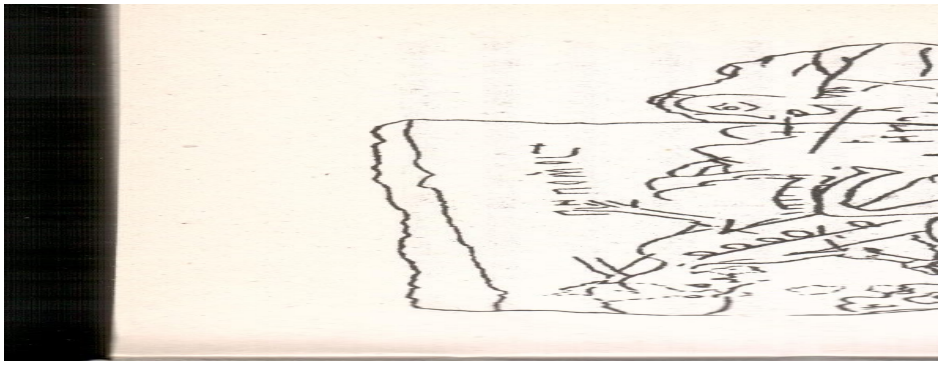
Уже от времен Н.М.Карамзина, по неким политическим причинам, наши историки также "переименовывают" Анну в Ирину, мать Владимира Ярославича (Анну, якобы, в монашестве); - на бумаге "изымаемую" так даже из своей гробницы в киевском Софийском соборе. Где, с Ярославом Мудрым, покоится жена его, подлинная мать Новгородского княжича - княгиня-мирянка Ирина\Ингигерда Шведская [Рохлин, с.261]!

Чета основателей фамилии князей Галицко-Волынской Руси - имевших феодальные права на уделы Центр.Европы!.. - чем-то стала масоно-сионистскому российскому начальству, - причем не в 2014 году, а уже в XIX веке! - настолько нелюбезна, что архонтесса Великого Новгорода очутилась истертой, вырезанной из русских анналов, абсолютно, даже как личность.

Это беззаконие началось, притом, что старшими среди потомства Ярослава Мудрого виделись именно Галицкие князья, они вполне осознавались

в этом качестве. Даже в 1180-х гг. такое отношение видно в торжественном обращении к Ярославу Осмомыслу в "Слове о полку Игореве". А в былине о боярине Ставре (древнейшей, писавшейся на Руси с голоса) - в 1117 г. прибывшем с удельным Новгородским князем Мстиславом в Киев и брошенном в темницу отцом того, Владимиром (Мономахом), отправляясь вызволять из неволи друга (былиною называемого черниговцем), Василиса Микулишна выдает себя за "посла Галицкой земли" ["Былины в записях и пересказах...", 1960, с. 198-204], запугав этим(!) Вел.князя. Судя по распространению женского имени Василисы - прежде абсолютно не княжеского, в княжом именословце XIII - XIV века, эта феминистическая песнь, с ее скабрезным эпилогом, была необыкновенно популярна уже тогда...

Безвестная супруга старшего сына Ярослава Мудрого обладала внешностью нордической, скорей норвежской, нежели русской. Но она едва ли была германкой. Свадьба князя, посаженного отроком в Новгороде около 1032 г. [ПСРЛ, т. 15, с.150; см. В.Л.Янин "Новгородские посадники", 1962, с.48], была сыграна лишь в кон. 1030-х гг., и не в Новгороде, а в Киеве. Драгоценная шейная повязка, мельчайший бисерный орнамент которой на княгине созерцал лишь Владимир Ярославич, имеет аналогию лишь в дорогом погребении того же века в Курской области [Корзухина, с.52].



Благодаря натуралистическому рисунку нам дарована возможность предполагать, сообразно степени реализма графика XI в., юное, еще девическое устройство позвоночника новобрачной, выдающее детскую натренированность её в езде на мужском, притом высоком - не рыцарском седле, где всадник – напр., при стрельбе из лука, каковое искусство былины вменяют своим героиням, - амортизирует себе упором полусогнутых ног. Княжна могла быть, скажем, болгаркой или чешкой... Имя, данное ею старшему сыну Ростиславу, незаметно в роду Владимира, но характерно для центрально-европейских - чешских земель, а сын Олега Святославича, убитого в 978 и посмертно окрещенного в 1043 г., был увезен именно в Чехию (от него произошел род Жератин).

Дата свадьбы определяема. Первый сын Ярослава и Ирины, Илья, умер отроком (не получив княжеского мирского имени), он известен лишь из синодика Софии Новгородской. За ним, по возрасту, должна была уродиться Елизавета Ярославна, к которой в 1030-х гг. начал свататься норвежский королевич Гаральд. Сын же Ярослава и Ирины, следующий за Владимиром, Изяслав женится на сестре Казимира Польского в 1043 г. [В.М.Коган "История Дома Рюриковичей", 1993, с.203]. Так открывается примерное время свадьбы Владимира и Анны. Ростислав, старший сын четы, согласно "Истории Российской", родился в лето 6546-е [Татищев, т. 2, с.79] - в 1038\1039 (мартовском) году, а после смерти отца (1051 г.) оказался князем-изгоем, еще не будучи введен в княжение на уделе (но уже действующий в 1064 г. и отравленный греками как опасный противник в 1067) [ПСРЛ, т. 30, с.47; т. 42, с.66].

Точное (до сезона) время посяга Анны, блестяще подтвердив известие В.Н.Татищева - владевшего летописями, впоследствии утраченными, показал создатель рисунка, глубоко врезанного в еще сырую летнюю штукатурку (глубже, нежели периферия рисунка) Золотых Ворот, нанесенного на уровне глаз проходящих, на самом входе только что воздвигнутых столичных проездных ворот. Нижний слой штукатурки сохранил это граффито - писанное благочестивой христианской рукой, с пожеланием помощи Православного Бога сочетающимся Божьим рабам (этот термин, прежде XII века, мог использовался лишь строго церковным человеком), с указанием церковного имени жениха. Торжественность акта предполагала праздничный характер писания, должного прославлять будущую великокняжескую пару, предназначенную к наследованию кесарских венцов у вел.кн.Киевского и его супруги [http://statehistory.ru/2057/Zapretnyy-risunok-iz-Zolotykh-vorot-Kieva/].

Сохранившиеся фрагменты текста невелики, надписание расшифровывается приблизительно:

?гипомози
?иг<титло?>подб<титло?>г
раб
дъм
б

Это восстанавливается автором публикации, как: "*Господи, по[мози] рабу Дми[тру]*" [там же]. Но едва ли столь благочестивый график побрезговал полногласной славянской формой Димитрий, в пользу плебейской. Обращение к тексту Ипатьевской летописи не обнаруживает нам написания имени Дмитр с ером внутри имени. Будучи краткой формой гласной "Он", она отразила бы произношение, подобное современному румынскому (Домитру), что кажется сомнительным. Так что, к сожалению, мы не сможем сказать с уверенностью, что крещен был Владимир Ярославич именем св.Димитрия Солунского. Хотя косвенные подкрепления этой догадки есть: как минимум двое младших братьев Владимира - Изяслав и Всеволод Ярославичи были крещены именно так.

Заложен был новый вал Киева в лето 6545-е (1037\1038 г.) [ПСРЛ, т. 2, с.139]. Переосвящение Десятинной церкви - совершенное в лето 6547-е (1039\1040 г.) эллинским митрополитом Руси (после низвержения болгарского патриаршества), Степенная Книга относит на год после возведения вала с Золотыми воротами и [ПСРЛ, т. 21, с.170] - то есть, после 1038\1039 года от Р.Х..

Рисунок запечатлел соединение молодых, в самый патетический момент, когда еще безбородый и безусый 18-летний княжич "залежал" - по выражению древнерусского языка - нагую, столь же юную, с едва наметившейся фигурой, новобрачную. Чин русской свадьбы, рисуемый граффито, выдается персоною чубатого дружки, в чьем присутствии происходит соитие, - подающего советы молодым, - а владельческое достоинство жениха - княжеской шапкой, не скидываемой даже при любовных утехах.

Фарисейская советская (российская) "наука", насаждая ближневосточные обычаи и борясь с украинской "бандеровщиной", избегает публиковать это граффито - являющееся ценнейшим датирующим историческим источником. Однако в популярную литературу [см. В.Долгов "Потаенная жизнь Древ.Руси"] оно успешно просочилось.

Р.Жданович